

Лауреат
Национальной
книжной
премии США

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Рандеву и другие рассказы

первое
издание
на
русском

PREMIUM

Дафна Дюморье Рандеву и другие рассказы (сборник) Серия «Азбука Premium»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18698041

Рандеву и другие рассказы: Азбука; Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-389-11462-3

Аннотация

В сборник «Рандеву» английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989) вошли рассказы, написанные в конце 1920-х – начале 1930-х годов и в десятилетие между 1937 и 1947 годом. Как и вся новеллистика Дюморье, эти четырнадцать историй поражают разнообразием сюжетов и жанров. Выдержанный в готической традиции «Эскорт» соседствует с театральными, в духе Чехова, «Примой» и «Прирожденным артистом»; психологический этюд «За закрытой дверью» – с поучительным анекдотом «Оплошность»; своеобразно обыгрывающие форму сказки или притчи «Пресвятая Дева», «Adieu Sagesse» и «Сказка» – с остросатирическими «Любовник», «Рандеву», «Ангелы и архангелы». Есть здесь и характерные для Дюморье по-хичкоковски напряженные истории: «Паника», «Без видимых причин» и «Доля секунды». Из всех перечисленных только два

последних рассказа раньше уже издавались по-русски, остальные публикуются впервые.

Содержание

Без видимых причин	6
Паника	69
Прирожденный артист	84
Adieu Sagesse	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Дафна Дюморье

Рандеву и другие рассказы

Daphne du Maurier

THE RENDEZVOUS AND OTHER STORIES

Copyright © Daphne du Maurier, 1980

© Л. Брилова, перевод, 2016

© А. Бродоцкая, перевод, 2016

© Н. Жутовская, перевод, 2016

© И. Комарова, перевод, 2016

© Н. Роговская, перевод, 2016

© А. Степанов, перевод, 2016

© С. Сухарев, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

Без видимых причин

Однажды утром примерно в половине двенадцатого Мэри Фаррен зашла в оружейную комнату своего мужа, взяла револьвер, зарядила его и затем застрелилась. Дворецкий услышал из буфетной выстрел. Зная, что сэр Джон уехал и вернется только к ланчу и в это время в оружейной быть никому не полагается, он отправился на разведку и увидел леди Фаррен в луже крови на полу. Она была мертва.

В ужасе он призвал на помощь экономку, и, посоветовавшись, они решили, что сперва он позвонит по телефону доктору, потом в полицию и в последнюю очередь самому сэру Джону, который был на заседании правления.

Доктору и полиции, которые появились вслед друг за другом с перерывом в несколько минут, дворецкий рассказал, что произошло; телефонное сообщение в обоих случаях звучало одинаково: «Несчастный случай с ее светлостью. Ее светлость лежит в оружейной комнате, голова прострелена. Боюсь, что она умерла».

Телефонное сообщение, призывающее домой сэра Джона, было сформулировано по-иному: «Сэра Джона убедительно просят поскорее приехать, с ее светлостью произошел несчастный случай».

Таким образом, объявить горестную весть вернувшемуся домой мужу досталось доктору.

Для доктора это была нелегкая, мучительная задача. Он знал Джона Фаррена много лет, и он, и Мэри были его пациентами. Более счастливой супружеской пары было не найти, оба с нетерпением ожидали появления на свет первенца этой весной. Никаких осложнений не предвиделось – Мэри Фаррен была спокойна, здорова и радовалась перспективе стать матерью.

Самоубийство казалось лишенным смысла. И однако, не подлежало сомнению, что это самоубийство. Мэри Фаррен наскоро написала три слова на блокноте, который положила на стол в оружейной комнате. Слова были: «Прости меня, любимый».

Револьвер хранился незаряженным. Со всей очевидностью, Мэри Фаррен достала его, зарядила и затем застрелилась.

Полиция согласилась с мнением доктора, что рана нанесена ее собственной рукой. Смерть, к счастью, наступила, судя по всему, мгновенно.

Сэр Джон Фаррен был убит горем. За те полчаса, что он беседовал с доктором и полицией, он состарился чуть не на двадцать лет.

– Почему, почему она это сделала? – повторял он в отчаянии. – Мы были так счастливы. Так любили друг друга. Мы ждали ребенка. Не было никаких причин, говорю вам, совершенно никаких.

Ни полиции, ни доктору нечего было возразить ему.

Последовали обычные формальности, произвели официальное дознание; как и предполагалось, вынесли вердикт: «Самоубийство при отсутствии данных, свидетельствующих о душевном состоянии покойной».

Сэр Джон Фаррен без конца обсуждал случившееся с доктором, но ни один из них не мог прийти к какому-либо заключению.

– Есть одна вероятность, – предположил доктор. – Бывает, что женщины во время беременности на время теряют рассудок. Но вы бы заметили признаки помешательства, и я тоже. Вы же говорите, что и накануне вечером, и за завтраком она была такой, как всегда. Насколько вам известно, абсолютно ничто не тревожило ее.

– Абсолютно, – проговорил сэр Джон. – Мы завтракали вместе, как обычно. Строили планы на вторую половину дня: вернувшись с заседания, я собирался поехать с ней на прогулку. Она была в жизнерадостном настроении и всем довольна.

Слуги подтвердили его слова.

Горничная заходила в спальню к ее светлости в половине одиннадцатого, та разглядывала шали, доставленные по почте. Восхищенная искусной работой, леди Фаррен показала шали горничной и сказала, что на всякий случай оставит обе, розовую и голубую, – для девочки или для мальчика.

В одиннадцать явился коммивояжер от фирмы, производящей садовую мебель. Ее светлость приняла его и выбрала

по каталогу два больших садовых кресла. Дворецкий потому знал об этом, что после ухода агента леди Фаррен показала каталог ему, когда он зашел узнать, какие будут распоряжения шоферу; ее светлость ответила: «Нет, до ланча я выходить не буду, а потом мы вместе с сэром Джоном поедем кататься».

Когда дворецкий уходил, ее светлость стоя пила молоко. Он был последний, кто видел ее в живых.

– Получается, – заключил сэр Джон, – что приблизительно между двадцатью минутами двенадцатого и половиной двенадцатого, когда Мэри застрелилась, она внезапно сошла с ума. Но это бессмысленно. Что-то должно было произойти в этот проклятый промежуток. И я обязан выяснить, что именно. Я не успокоюсь, пока не выясню.

Доктор всячески пытался отговорить его, но безуспешно. Сам доктор был убежден, что Мэри Фаррен в приступе помешательства на почве беременности покончила с собой, не сознавая, что делает.

И на этом следовало остановиться. Оставить все как есть. А там лишь время поможет Джону Фаррену забыть.

Но Джон Фаррен не хотел забывать. Он отправился в частное сыскное агентство и проконсультировался с детективом по фамилии Блэк, которого контора рекомендовала как надежного и тактичного человека. Сэр Джон рассказал ему о случившемся. Блэк, хитрый шотландец, сам говорил мало, но зато слушал внимательно. Лично он разделял мнение док-

тора и причину самоубийства видел во внезапном приступе помешательства вследствие беременности. Но, будучи работником добросовестным, он отправился в загородный дом сэра Джона, чтобы побеседовать с прислугой. Он задал много вопросов, которых не задавала полиция, поболтал с доктором, просмотрел всю корреспонденцию, приходившую на имя леди Фаррен в последние недели перед смертью, навел справки обо всех телефонных звонках и встречах с друзьями, но так и не нашел ответа на вопрос своего клиента.

Единственное разумное объяснение, какое родилось в его многоопытной голове, – что леди Фаррен ждала ребенка от любовника, – не подтвердилось. Все возможные проверки не дали никаких оснований для такого предположения. Супруги нежно любили друг друга и за все три года брака ни разу не расставались. Все без исключения слуги твердили об их глубокой привязанности. Не существовало никаких финансовых затруднений. Не обнаружил проницательный Блэк и неверности со стороны сэра Джона. Слуги, друзья, соседи – все превозносили его высокую нравственность. Стало быть, жена застрелилась не оттого, что наружу вышла какая-то его вина.

На время Блэк зашел в тупик в своих поисках. Но не признал себя побежденным. Уж если он брался за расследование, то доводил его до конца. К тому же, хотя он успел всего навидаться и несколько очерстветь, душевные муки сэра Джона пробудили в нем чувство жалости.

– Знаете, сэр, – сказал он, – в подобных случаях часто приходится углубляться в чью-то жизнь и заглядывать дальше недавнего прошлого. Я осмотрел – с вашего разрешения – письменный стол вашей супруги до последнего уголка, перебрал все бумаги и письма, но не нашел ровным счетом ничего, что дало бы ключ к тому, что ее тревожило... если тревожило.

Вы рассказывали, что познакомились с леди Фаррен... тогда мисс Марш... во время поездки в Швейцарию. Она жила со своей больной тетушкой, мисс Верой Марш, которая ее вырастила, так как родители очень рано умерли.

– Все так, – подтвердил сэр Джон.

– Они жили в Сьерре, время от времени в Лозанне, и вы встретили обеих мисс Марш в доме общих знакомых в Сьерре. Вы подружились с младшей, а к концу пребывания там влюбились в нее, а она в вас, и вы сделали ей предложение.

– Все верно.

– Старшая мисс Марш не возражала, более того, была очень довольна. Вы с нею условились, что будете выплачивать ей сумму, позволяющую содержать компаньонку, которая займет место племянницы, и месяца через два-три вы обвенчались в Лозанне.

– Совершенно верно.

– Не было разговоров о том, чтобы тетушка переехала жить к вам в Англию?

– Мэри приглашала ее, так как была к ней очень привя-

зана, но престарелая дама отказалась. Она так долго жила в Швейцарии, что опасалась английского климата и английской кухни. Между прочим, мы дважды навещали ее с тех пор, как поженились.

Блэк осведомился, получал ли сэр Джон какие-нибудь известия от тетушки уже после случившейся трагедии. Да. Он, разумеется, сразу же ей написал, да она и сама прочла сообщение в газетах. Новость привела ее в ужас. Она и вообразить не может, из-за чего Мэри вдруг покончила с собой. Всего за несколько дней до катастрофы в Сьерру пришло счастливое письмо, исполненное радости по поводу предстоящего рождения ребенка. Мисс Марш вложила его в свое письмо к сэру Джону. И теперь сэр Джон передал его Блэку.

– У меня сложилось впечатление, – заметил Блэк, – что тетушка с племянницей, когда вы с ними познакомились три года назад, вели уединенную жизнь.

– У них был небольшой домик, как я уже упоминал, а раза два в году они ездили в Лозанну, где снимали комнаты в пансионе. У тетушки было что-то с легкими, но не настолько серьезное, чтобы лечиться в санатории или еще где-нибудь. Мэри была преданнейшей из племянниц. Вот это и привлекло меня в ней прежде всего – ласковое, терпеливое обращение с тетушкой, которая, как многие немощные пожилые люди, нередко проявляла раздражительность.

– Стало быть, жена ваша, младшая мисс Марш, не очень-то часто бывала в обществе? Имела мало знакомых своего

возраста и прочее?

– По всей видимости, так, но ее это как-то не волновало. Она была всегда всем довольна.

– И жила так с самого детства?

– Да. Мисс Марш была единственной родственницей Мэри. Она удочерила девочку, когда у той умерли родители. Мэри была тогда совсем еще дитя.

– А сколько лет было вашей жене, когда она вышла замуж?

– Тридцать один год.

– И никакой предыдущей помолвки, увлечения?

– Нет, ничего. Я, бывало, подсмеивался из-за этого над Мэри, но она уверяла, что не встретила никого, кто заставил бы хоть чуть-чуть забиться ее сердце. И тетушка подтверждала ее слова. Помню, мисс Марш сказала мне после того, как состоялась помолвка: «Редко можно встретить такую неиспорченную натуру. Мэри прехорошенькая, но об этом не подозревает, у нее чудеснейший мягкий характер, но и этого она не сознает. Вы счастливец». И я действительно был счастлив.

Сэр Джон устремил на Блэка такой страдальческий взгляд, что ко всему привычный шотландец с большой неохотой приступил к дальнейшим расспросам.

– Так, значит, это был брак по взаимной любви? – продолжал он. – Вы абсолютно уверены, что ваш титул и положение не сыграли тут роль приманки? Скажем, тетушка могла намекнуть племяннице, что такой случай упускать нельзя и

другого такого жениха можно и не найти? В конце концов, женщинам свойственно думать о таких вещах.

Сэр Джон покачал головой:

– Возможно, мисс Марш и приходили подобные мысли, не знаю, но Мэри – нет. С самого начала я искал ее общества, а не наоборот. Если бы Мэри высматривала себе мужа, я бы заметил это сразу, как только мы познакомились. Сами знаете, какие попадаются хищницы. Моя приятельница, в чьем доме я впервые встретил Маршей, предупредила бы меня, что у нее гостит девица за тридцать, которая охотится за женихом. Однако ничего подобного она не сказала. Она сказала: «Я хочу познакомить вас с очаровательнейшей девушкой, мы все в ней души не чаем и жалеем, что она ведет такую одинокую жизнь».

– Но вам не показалось, что она страдает от одиночества?

– Вовсе нет. Она была вполне довольна жизнью.

Блэк отдал обратно сэру Джону письмо от мисс Марш.

– Вы по-прежнему хотите, чтобы я продолжал расследование? – спросил он. – Вы не думаете, что проще бы решить раз и навсегда, что доктор прав и у леди Фаррен действительно случилось помрачение рассудка и она лишила себя жизни, не сознавая, что делает?

– Нет, – ответил сэр Джон, – повторяю – где-то таится разгадка трагедии, и я не отступлюсь, пока не найду ее. Вернее, пока вы не найдете. Для этого я и нанял вас.

Блэк поднялся со стула.

– Пусть будет по-вашему, – заключил он. – Раз так, я продолжаю поиски.

– И что вы намерены предпринять? – спросил сэр Джон.

– Завтра я лечу в Швейцарию.

Прибыв в Сьерру, Блэк явился в шале «Бон Репо»¹, вручил свою карточку и был проведен в небольшую гостиную, выходящую на балкон, откуда открывался превосходный вид на долину Роны.

Какая-то женщина, видимо компаньонка мисс Марш, вывела его через гостиную на балкон. Блэк успел рассмотреть, что комната обставлена добротно и со вкусом, ничего из ряда вон выходящего, – типичная комната живущей за границей старой незамужней англичанки, которая не любит швыряться деньгами.

На каминной доске стояла большая фотография леди Фаррен, сделанная недавно, копия той, что Блэк видел в кабинете у сэра Джона. Еще одна стояла на бюро, тут леди Фаррен было, наверное, лет двадцать. Хорошенькая застенчивая девушка с длинными, длиннее, чем на последнем портрете, волосами.

Блэк вышел на балкон и представился старой даме в инвалидном кресле как друг сэра Джона Фаррена.

У мисс Марш были белые волосы, голубые глаза и твер-

---

¹ Bon Repos (фр.) – приятный отдых. – Здесь и далее – примечания переводчиков.

дые тонкие губы. Судя по тону, каким она обратилась к компаньонке, после чего та немедленно покинула комнату, ей нелегко было угодить. Впрочем, она, кажется, была неподдельно рада приходу Блэка и с большим участием справилась о сэре Джоне; она пожелала знать, выяснилось ли хоть что-нибудь, что могло пролить свет на случившуюся трагедию.

– К сожалению, ничего, – ответил Блэк. – Я, собственно, и приехал выяснить, что известно об этом вам. Вы знали леди Фаррен лучше, чем кто бы то ни было, лучше, чем даже ее муж. Сэр Джон надеется, что у вас есть какие-нибудь догадки на этот счет.

Мисс Марш удивленно подняла брови.

– Но ведь я уже писала сэру Джону и выразила свой ужас, свое полное недоумение. Я отослала ему последнее письмо Мэри ко мне. Разве он вам не говорил?

– Говорил, – ответил Блэк. – Я читал письмо. У вас есть и другие ее письма?

– Я сохранила все, – ответила мисс Марш. – Она писала мне регулярно, каждую неделю, после того как вышла замуж. Если сэру Джону угодно, я с удовольствием отошлю ему эти письма. Среди них нет ни одного, которое бы не дышало любовью к нему и гордостью и восхищением своим новым домом. Она сожалела лишь об одном – о том, что я не решаюсь покинуть свое жилище и навестить ее. Посудите сами – куда мне, такой развалине.

«Вид у тебя вполне крепкий, – подумал Блэк. – Может, просто не хотелось».

– Я вижу, вы с племянницей были очень привязаны друг к другу? – сказал он вслух.

– Я нежно любила Мэри, и она, смею думать, отвечала мне тем же, – последовал быстрый ответ. – Видит бог, я иной раз бываю придирчива, но Мэри словно и не тяготилась этим. У нее был прелестнейший характер.

– Вам жаль было расставаться с ней?

– Еще бы. Мне страшно ее не хватало и сейчас не хватает. Но, естественно, я прежде всего думала о ее счастье.

– Сэр Джон упоминал, что положил вам пособие, чтобы покрыть расходы на вашу теперешнюю компаньонку.

– Да. Он проявил щедрость. А вы случайно не знаете – пособие сохранится?

Голос прозвучал пронзительно.

Блэк решил, что первое его впечатление о мисс Марш как особе, отнюдь не пренебрегающей деньгами, по-видимому, было правильным.

– Об этом сэр Джон ничего не говорил. Убежден, что в случае отмены пособия вы получили бы извещение от него самого или от адвоката.

Блэк взглянул на руки мисс Марш. Они нервно постукивали по ручкам кресла.

– А в прошлом вашей племянницы, – спросил Блэк, – нет ничего, чем объяснялось бы самоубийство?

У нее сделался испуганный вид.

– Что вы имеете в виду?

– Предыдущую помолвку или неудачный роман?

– Помилуй бог, нет.

Странно. Она как будто испытала облегчение, когда он разъяснил свой вопрос.

– Сэр Джон был первой и единственной любовью Мэри. Видите ли, здесь у меня она вела уединенную жизнь. Вокруг было не очень-то много молодежи. Но и в Лозанне она не искала общества своих сверстников. И не от чрезмерной застенчивости или замкнутого характера. Просто ей была свойственна сдержанность.

– А школьные подруги у нее были?

– Пока она была маленькой, я занималась с нею сама. Позже, в Лозанне, став постарше, она проучилась несколько семестров в школе, но не жила там, а только посещала школу днем. Мы жили в пансионе, неподалеку. Помню одну-двух девочек, они заходили на чай. Но близких подруг у нее не было.

– У вас есть снимки тех лет?

– Да. Несколько штук. В одном из альбомов. Хотите посмотреть?

– Да, пожалуй. Сэр Джон показывал мне кое-какие фотографии, но, по-моему, среди них нет сделанных до брака.

Мисс Марш показала на бюро, стоявшее в гостиной, и велела выдвинуть второй ящик и принести ей альбом. Он при-

нес, и она, надев очки, открыла альбом, а Блэк придвинулся к ней вместе со стулом.

Они листали альбом, открывая страницу за страницей. Снимков было много, ни один не представлял особого интереса. Леди Фаррен одна. Мисс Марш одна. Леди Фаррен и мисс Марш с группой других людей. Их шале. Виды Лозанны. Блэк досмотрел альбом до конца. Разгадка скрывалась не здесь.

– Это все, что у вас есть? – спросил он.

– Боюсь, что все. Хорошенькая девушка, правда? Такие добрые карие глаза... Ужасно... Бедный сэр Джон.

– Детских фотографий, как я заметил, здесь нет. Только начиная лет с пятнадцати.

Последовала короткая пауза, затем мисс Марш произнесла:

– Да, да, у меня, по-моему, раньше не было фотоаппарата.

У Блэка был тренированный слух. Он с легкостью улавливал фальшь. Мисс Марш солгала. Что она хотела скрыть?

– Жаль, – заметил он. – А мне всегда интересно узнавать детские черты во взрослом лице. Я сам человек семейный. Нам бы с женой без детских альбомов нашего сынишки жизнь была бы не в жизнь.

– Да, непростительная глупость с моей стороны, не правда ли? – произнесла мисс Марш. Она положила альбом перед собой на стол.

– У вас, наверное, найдутся портреты, сделанные в ателье?

– Нет, – отозвалась мисс Марш, – а если и были, то куда-то затерялись. При переездах, сами понимаете. Сюда мы переехали, когда Мэри уже исполнилось пятнадцать. До этого мы жили в Лозанне.

– А вы удочерили Мэри, когда ей было пять лет, так, кажется, говорил сэр Джон?

– Да, около пяти.

Снова минутное замешательство, чуть заметно дрогнувший голос.

– А нет ли у вас фотографии родителей леди Фаррен?

– Нет.

– Как я понял, ее отец был вашим единственным братом?

– Да, единственным.

– Что заставило вас взять к себе племянницу?

– Ее мать умерла, и брат не знал, что с ней делать. Она была болезненным ребенком. Мы с братом решили, что это будет наилучшим выходом из положения.

– Брат, разумеется, выплачивал вам какую-то сумму на уход за девочкой и ее образование?

– Ну естественно. Иначе я бы не справилась.

И тут мисс Марш совершила оплошность. Не будь этой оплошности, Блэк, вероятно, оставил бы ее в покое.

– Вы задаете какие-то странные вопросы, мистер Блэк, не относящиеся к делу, – проговорила она, коротко и сухо вато рассмеявшись. – Не понимаю, какой интерес представляет для вас пособие, выплачиваемое мне отцом Мэри. Вы хотите

знать, почему бедняжка Мэри лишила себя жизни. Этого же хочет ее муж, этого хочу я.

– Меня интересует все, имеющее хотя бы отдаленную связь с прошлым леди Фаррен, – возразил Блэк. – Видите ли, именно затем меня и нанял сэр Джон. Пожалуй, пора объяснить, что я не близкий друг сэра Джона, а частный детектив.

Лицо мисс Марш приобрело серый оттенок. Куда девалось ее самообладание? Она внезапно превратилась в перепуганную старуху.

– Что вы хотите у меня узнать? – спросила она.

– Всё.

У шотландца, надо пояснить, имелась излюбленная теория, которую он часто развивал перед директором агентства, где служил, – он считал, что на свете очень мало людей, кому не нашлось бы что скрывать. Сколько раз приходилось ему наблюдать мужчин и женщин, подвергавшихся в качестве свидетелей перекрестному допросу, и все они до единого боялись, боялись не вопросов, которые им задавали и которые могли пролить свет на расследуемое дело, они боялись, как бы при этом нечаянно не проговориться, не выдать собственный секрет, могущий бросить на них тень.

Блэк не сомневался, что именно в этом положении оказалась сейчас мисс Марш. Возможно, она ничего не знает о причинах самоубийства Мэри Фаррен. Но она знает за собой какую-то вину, которую всячески пытается утаить.

– Если сэр Джон узнал про пособие и считает, что все эти

годы я обездоливала Мэри, обманывая ее, то приличия ради он мог сказать об этом сам, а не нанимать сыщика, – проговорила она.

«Те-те-те, – подумал Блэк. – Дайте старушке веревку, а уж она сама на ней повесится».

– Слово «обман» не произносилось, – ответил он, – но просто сэру Джону обстоятельства показались довольно странными.

Блэк бил наугад, но чувал, что результат может стоить того.

– Еще бы не странные, – подхватила мисс Марш. – Я старалась поступать, как считала лучше, и думаю, что мне это удавалось. Клянусь вам, мистер Блэк, я очень мало денег брала для себя, большая часть шла на содержание Мэри, как мы и договаривались с ее отцом. Когда Мэри вышла замуж, и вышла, как выяснилось, удачно, я не сочла, что поступаю дурно, оставляя деньги себе. Сэр Джон богат, и Мэри без них обошлась бы.

– Я заключаю, – вставил Блэк, – что леди Фаррен ничего не знала о финансовой стороне дела?

– Ничего, – подтвердила мисс Марш. – Деньги ее никогда не интересовали, а кроме того, она думала, что целиком находится на моем иждивении. Неужели сэр Джон собирается возбудить против меня дело, мистер Блэк? Если он его выиграет, а в этом сомнений нет, меня ждет нищета.

Блэк поскреб подбородок, делая вид, что размышляет.

– Не думаю, чтобы сэр Джон имел такое намерение, мисс

Марш, – проговорил он. – Но он хотел бы знать правду о том, что произошло.

Мисс Марш откинулась на спинку своего инвалидного кресла. Ни надменной осанки, ни негнущейся спины, – она выглядела усталой и старой.

– Теперь, когда Мэри умерла, правда уже не может повредить ей, – сказала она. – Дело в том, мистер Блэк, что она вовсе не племянница мне. Я получала большие деньги за то, что взяла ее на воспитание. Деньги должны были перейти к ней, когда она достигнет совершеннолетия. Но я оставила их себе. Отец Мэри, с которым у меня было письменное соглашение, к тому времени уже умер. Здесь, в Швейцарии, никто ни о чем не знал. Так просто было сохранить все в тайне. Ничего дурного у меня и в мыслях не было.

«Вот так всегда, – подумал Блэк. – Подвергни мужчину или женщину соблазну – и они ему поддадутся. При этом у них и в мыслях нет ничего дурного».

– Понятно, – сказал он. – Что ж, мисс Марш, не будем вдаваться в подробности того, что вы совершили и как потратили деньги, предназначенные леди Фаррен. Интересует меня следующее: если она не ваша племянница, то кто же она?

– Она единственная дочь некоего мистера Генри Уорнера. Вот все, что мне известно. Он не оставлял мне своего адреса, не говорил, где живет. Мне известен был только адрес его банкиров и филиала в Лондоне. Оттуда я получила четыре раза определенную сумму. Как только я взяла Мэри на свое

попечение, мистер Уорнер отбыл в Канаду и умер там пять лет спустя. Банк уведомил меня о его смерти, а поскольку больше никаких известий я не получала, то сочла безопасным распорядиться деньгами по своему усмотрению.

Блэк записал себе в блокнот имя Генри Уорнера, и мисс Марш дала ему адрес банка.

– Мистер Уорнер не был вашим близким знакомым? – спросил Блэк.

– О нет. Я видела его всего дважды. В первый раз – когда я откликнулась на его объявление с номером абонентского ящика, где сообщалось, что требуется кто-то, кто на неопределенный срок возьмет на себя заботы о некрепкого здоровья девочке. В ту пору я была очень бедна и только что потеряла место гувернантки в английской семье, которая возвращалась в Англию.

В школу устраиваться мне не хотелось, и объявление это явилось настоящим подарком, особенно если принять во внимание щедрость суммы, которую отец собирался выплачивать за содержание девочки. Я поняла, что смогу отныне жить так, как, откровенно говоря, никогда не жила. Вряд ли вы станете осуждать меня за это.

К ней в какой-то степени возвращалась былая самоуверенность. Она бросила зоркий взгляд на Блэка.

– Я не осуждаю вас, – отозвался он. – Расскажите мне еще о Генри Уорнере.

– Я мало что могу рассказать. Он почти не интересовался

мною и моей жизнью. Главное, на что он сделал упор, – Мэри останется со мной навсегда, он не имеет намерения забрать ее когда-либо к себе или переписываться с нею. Он уезжает в Канаду, объявил он, и разрывает все прежние связи. Мне предоставляется воспитывать его дочь, как мне заблагорассудится. Иными словами, он умывает руки.

– Бездушный тип? – вставил Блэк.

– Не то что бездушный. У него был озабоченный, замученный вид, как будто бремя ответственности за девочку оказалось ему не под силу. Жены его, видимо, не было в живых. Я спросила, что он имел в виду, говоря «некрепкого здоровья», мне не приходилось ухаживать за больными, и меня не прельщала перспектива очутиться с хворым ребенком на руках.

Он объяснил, что некрепкая не в физическом отношении. Несколько месяцев назад она стала свидетельницей страшной железнодорожной катастрофы и в результате шока потеряла память.

Во всех прочих отношениях она совершенно нормальна и разумна. Только не помнит ничего, что было раньше, до испытанного потрясения. Не помнит даже, что он ее отец. Поэтому-то он и хочет, сказал он, чтобы она начала новую жизнь в другой стране.

Блэк сделал пометки у себя в блокноте. Дело начинало приобретать какие-то очертания.

– Стало быть, вы согласились рискнуть – принять на себя

пожизненные заботы о девочке, которая перенесла душевное потрясение? – спросил он.

Он не хотел, чтобы вопрос прозвучал саркастически, но мисс Марш уловила скрытую насмешку и покраснела.

– Я привыкла преподавать, иметь дело с детьми, – возразила она, – а кроме того, я ценю независимость. Я приняла предложение мистера Уорнера, но при условии, если девочка будет симпатична мне, а я ей. На вторую нашу встречу он пришел с Мэри. Невозможно было сразу не полюбить ее. Прелестное личико, большие глаза, мягкая, приветливая манера. Она показалась мне совершенно нормальной, только немного инфантильной. Я поболтала с ней, спросила, не хочет ли она погостить у меня, она ответила, что хочет, и самым доверчивым образом вложила свою руку в мою. Я тут же дала согласие мистеру Уорнеру, и сделка состоялась. Он оставил Мэри у меня в тот же вечер, и больше мы его никогда не видели. Нетрудно было внушить девочке, что она моя племянница, ведь она не помнила ничего о прежней жизни и все о себе принимала на веру. Все прошло гладко.

– И с того дня память к ней ни разу не возвращалась, мисс Марш?

– Ни разу. Жизнь началась для нее в тот момент, когда отец передал ее мне в гостинице в Лозанне, да и, по правде говоря, для меня тоже. Я не могла бы любить ее сильнее, будь она и вправду моей племянницей.

Блэк проглядел свои записи и сунул блокнот в карман.

– Значит, вы не знаете о ней ничего помимо того, что она дочь некоего мистера Генри Уорнера?

– Ровно ничего.

– Она была просто маленькая пятилетняя девочка, потерявшая память.

– Пятнадцатилетняя, – поправила мисс Марш.

– То есть как? – переспросил Блэк.

Мисс Марш снова покраснела.

– Я и забыла, – сказала она. – Я ввела вас в заблуждение. Я привыкла уверять Мэри и всех других людей в том, что удочерила племянницу, когда той было пять лет. Так было гораздо проще для меня и для Мэри тоже, ведь она не помнила о себе ровно ничего до того дня, как стала жить у меня. На самом деле ей было пятнадцать. Теперь вы поймете, почему у меня нет домашних и никаких вообще детских фотографий Мэри.

– Теперь понимаю, – проговорил Блэк. – Что ж, должен поблагодарить вас, мисс Марш, вы мне очень помогли. Вряд ли сэр Джон поднимет вопрос о деньгах, ну а ваш рассказ я буду пока считать сугубо конфиденциальным. Что мне требуется узнать сейчас, это где жила леди Фаррен – Мэри Уорнер – первые пятнадцать лет своей жизни и как она их прожила. А вдруг это имеет какое-то отношение к самоубийству.

Мисс Марш позвонила компаньонке и велела проводить Блэка. Она еще не вполне обрела присущее ей самооблада-

ние.

— Мне всегда казалось странным одно обстоятельство, — добавила она. — По-моему, отец ее, Генри Уорнер, говорил неправду. Мэри не проявляла ни малейшего страха перед поездами, и, сколько я ни расспрашивала разных людей, никто не слыхал о какой-нибудь серьезной катастрофе на железной дороге в Англии, да, собственно, и где бы то ни было в месяцы, предшествующие появлению у меня Мэри.

Блэк вернулся в Лондон, но не дал о себе знать сэру Джону, так как почел за лучшее подождать каких-нибудь более определенных результатов.

Ему показалось лишним открывать сэру Джону глаза на мисс Марш и обман с удочерением. Это еще больше расстроило бы сэра Джона, к тому же сам по себе этот факт, сделайся он вдруг известен его жене, едва ли вынудил бы ее к самоубийству.

Гораздо заманчивее было предположить, что леди Фаррен испытала потрясение, которое в мгновение ока рассеяло туман, окутывавший ее мозг в течение девятнадцати лет.

Задачей Блэка и было выяснить, что это было за потрясение. Очутившись в Лондоне, он первым делом направился в отделение банка, где имелся счет у Генри Уорнера. Блэк повидался с управляющим и объяснил свою миссию.

Выяснилось, что Генри Уорнер действительно переехал в Канаду, где женился вторично и впоследствии умер. Вдо-

ва прислала им письмо и попросила закрыть счет в Англии. Управляющий не слышал, были ли у Генри Уорнера в Канаде дети, не знал также адреса вдовы. Первая жена Генри Уорнера умерла задолго до его переезда. Да, управляющий знал, что оставалась дочь от первого брака. Ее удочерила некая мисс Марш, проживающая в Швейцарии. Ей регулярно выплачивались деньги, но выплата прекратилась, когда Генри Уорнер женился во второй раз. Единственной положительной информацией, полученной от управляющего, которая могла оказаться полезной, был старый адрес Генри Уорнера. А также деталь, которую Генри Уорнер утаил от мисс Марш, – что он духовное лицо и в ту пору, когда мисс Марш взяла к себе его дочь, был викарием церкви Всех Святых в приходе Лонг-Коммон, Гемпшир.

Блэк ехал в Гемпшир, испытывая приятные предчувствия. Ему всегда становилось весело, когда узлы начинали распутываться. Это напоминало ему детство и игру в прятки. Любовь к неожиданностям в первую очередь и заставила его выбрать профессию сыщика, и он никогда не пожалел о своем выборе.

Он старался избежать предвзятости, но в данном случае трудно было не заподозрить в distinguished Генри Уорнере главного злодея в этой драме. Внезапно отдать психически нездоровую дочь совершенно чужой женщине, за границу, а затем прервать с ней всякую связь и уехать в Канаду – такое поведение казалось особенно бессердечным в священ-

нике.

Тут пахло скандалом, и, если запах в Лонг-Коммон еще не выветрился спустя девятнадцать лет, нетрудно будет разнюхать, в чем скандал заключался.

Блэк остановился в местной гостинице, сделал вид, будто занимается описанием старинных церквей в Гемпшире, и, пользуясь тем же предлогом, написал вежливую записку теперешнему приходскому священнику, испрашивая разрешения зайти к нему.

Разрешение было даровано, и викарий, молодой человек, страстно увлеченный архитектурой, показал ему все закоулки церкви, от нефа до колокольни, и посвятил во все тонкости резьбы XV века.

Блэк вежливо слушал и помалкивал, скрывая свое невежество, а под конец незаметно свел разговор на предшественников викария.

К сожалению, нынешний викарий жил в Лонг-Коммон всего шесть лет и мало что знал об Уорнере, чей преемник перебрался потом в Халл, но слышал, что Уорнер исполнял здесь должность священника двенадцать лет и жена у него похоронена на церковном кладбище.

Блэк осмотрел могилу и обратил внимание на надпись: «Эмили Мэри, возлюбленная супруга Генри Уорнера, покоящаяся отныне в объятиях Иисуса».

Отметил он также дату смерти. Мэри, ее дочери, было тогда, должно быть, десять лет. Да, викарий слышал, что Уор-

нер в большой спешке покинул приход и, кажется, переехал в Канаду. В деревне его, вероятно, многие помнят, в особенности старики. Быть может, здешний садовник помнит лучше других. Он служит при всех приходских священниках по очереди уже тридцать лет.

Насколько ему, викарию, известно, Уорнер не был ни историком, ни коллекционером и строительством церквей не интересовался.

Если мистеру Блэку угодно будет зайти к нему домой, то у него найдется много книг по истории Лонг-Коммон.

Мистер Блэк принес свои извинения и откланялся. Он выудил из викария все, что хотел. Он чувствовал, что вечер, проведенный в баре гостиницы, где он остановился, принесет куда больше пользы. И оказался прав.

Он больше ничего не узнал про резьбу XV века, но зато довольно много услышал про достопочтенного Генри Уорнера.

Викария в приходе уважали, но не слишком любили по причине его жестких принципов и нетерпимости. Он был не тот человек, к кому прихожане обращаются в беде: склонен обличать чаще, чем утешать. Ни разу он не зашел в бар при гостинице, ни разу по-дружески не пообщался с простым людом.

Известно было, что у него имеются личные средства и он не зависит от доходов, которые ему дает место викария. Он любил, когда его приглашали в немногочисленные богатые

дома прихода, так как придавал значение положению в обществе, но и там он не пользовался симпатией.

Короче говоря, достопочтенный Генри Уорнер был нетерпимым, уколобым снобом, а такое сочетание человеческих качеств не украшает викария. Жenu его, напротив, все очень любили и единодушно оплакивали, когда она умерла после операции раковой опухоли. Приятная, внимательная к людям, добросердечная была женщина, и маленькая дочка пошла в нее.

Очень ли горевала девочка после смерти матери?

Никто не помнил. Пожалуй, не очень. Она уехала в школу и домой наезжала только в каникулы. Кое-кто помнил, как она каталась по окрестностям на велосипеде, хорошенькая такая, приветливая. Садовник с женой – те оба, семейной парой, служили у достопочтенного Генри Уорнера, садовник и сейчас работает в доме приходского священника. Старина Харрис. Нет, он не бывает в баре по вечерам. Он член Общества трезвости. Живет в домике неподалеку от церкви. Нет, жена у него умерла. Он живет с замужней дочерью. Большой любитель выращивать розы, каждый год получает призы на местной цветочной выставке.

Блэк допил кружку пива и удалился. Вечер был еще ранний. Он сбросил личину описателя старинных гемпширских церквей и принял роль коллекционера гемпширских роз. Старого Харриса он застал в саду, тот курил трубку. Вдоль изгороди росли ряды роз. Блэк остановился полюбоваться

ими. Завязался разговор.

Понадобился чуть не целый час, чтобы перевести его с роз на прежних викариев, с прежних викариев на Уорнера, с Уорнера на миссис Уорнер, а с миссис Уорнер на Мэри Уорнер. В конце концов перед Блэком развернулась вся картина, но в ней не было ничего нового. Повторение той же истории, которую он слышал в деревне.

Достопочтенный Уорнер был человек суровый, слова приветливого не дожدهшься, на похвалы скуп. Садам не интересовался. Чванливый, надутый, но, чуть что не так, – в пух и прах готов тебя разнести. Вот женушка у него была совсем другая. Такая жалость – умерла. Мисс Мэри тоже была приятная девочка. Жена садовника души не чаяла в мисс Мэри. Вот уж ничуть не надутая и не спесивая.

– Наверное, достопочтенный Уорнер отказался от прихода, потому что ему было одиноко после смерти миссис Уорнер? – спросил Блэк, протягивая Харрису сигареты.

– И вовсе не потому. А из-за здоровья мисс Мэри, когда ей велели жить за границей после тяжелого ревматизма. Вот они и уехали в Канаду, и больше мы о них не слыхали.

– Ревматизм? – повторил Блэк. – Неприятная штука.

– Но здешние постели тут ни при чем, – продолжал старый садовник, – моя жена все проветривала, обо всем заботилась, как и при жизни миссис Уорнер. Нет, мисс Мэри заболела в школе. Помню, я еще сказал жене, мол, викарию надо бы в суд подать на тамошних учителей за недогляд. Девочка чуть

не умерла.

Блэк потрогал лепестки розы, сорванной для него садовником, и аккуратно всунул ее в петлицу.

– Отчего же викарий не подал в суд на школу? – спросил он.

– А мы не знаем – подал или нет, он нам не докладывал. Велел только упаковать вещи мисс Мэри и отослать в Корнуолл по адресу, который дал, а потом упаковать также и его вещи и одеть чехлами мебель, и не успели мы оглянуться, как приехал громадный фургон, мебель забрали и увезли не то на склад, не то на продажу. Мы слышали потом, что мебель продали, а викарий отказался от прихода и они перебрались в Канаду. Моя жена очень беспокоилась о мисс Мэри: ни словечка мы больше не получали ни от нее, ни от викария, а ведь столько лет у них прослужили.

Блэк согласился с тем, что им оплатили черной неблагодарностью.

– Так, значит, школа была в Корнуолле? – заметил он. – Там ревматизм немудрено подхватить – очень сырая местность.

– Да нет, сэр, – поправил его старый садовник. – Мисс Мэри поехала в Корнуолл на излечение. Карнлит, так, кажется, называлось местечко. А в школе она училась в Хайте, в графстве Кент.

– И у меня дочка в школе неподалеку от Хайта, – с легкостью соврал Блэк. – Надеюсь, это не там. Как называлась

школа мисс Мэри?

– Не могу вам сказать, сэр, – Харрис покачал головой, – давно это было. Но помнится, мисс Мэри рассказывала, что местечко красивое, прямо на берегу моря, очень ей там было хорошо, спортом нравилось заниматься.

– Вот что, – протянул Блэк, – значит, не то место. Дочкина школа далеко от моря. Забавно, как люди вечно все перепутают. Как раз сегодня вечером в деревне поминали мистера Уорнера... вот ведь как бывает – стоит услышать чье-нибудь имя, тут же услышишь его опять... и кто-то сказал, мол, в Канаду они уехали потому, что дочка сильно пострадала в железнодорожной катастрофе.

Харрис с презрением засмеялся.

– Эти пьяницы чего только не наговорят, когда пива надутся. Железнодорожная катастрофа – ишь чего придумали. Да вся деревня в то время знала, что у нее ревматизм. Викарий чуть не рехнулся с расстройства, когда его вдруг в школу вызвали. Никогда не видал, чтобы человек так с ума сходил. Чего скрывать, мы с женой до той поры и не думали, чтоб он так мисс Мэри любил. Обыкновенно он и внимания ей не уделял, так мы считали. Она материна дочка была. Но тут на нем лица не было, когда он воротился из поездки, и он сказал моей жене, что Бог покарает директора школы за преступное небрежение. Так и сказал: преступное небрежение.

– А может, у него совесть была беспокойна, – предположил Блэк, – вот он и обвинял в небрежности школу, потому

что в глубине души винил себя?

– Может, и так, – согласился Харрис, – может, и так. Он всегда виноватых искал.

Блэк решил, что теперь самое время перейти от Уорнера обратно к розам. Он задержался еще минут на пять, записал несколько сортов роз, которые рекомендуется сажать любителям вроде него, желающим быстрых результатов, попрощался и вернулся в гостиницу. Он выспался и сел на первый утренний поезд в Лондон. Раздобыть еще какие-то сведения в Лонг-Коммон он не рассчитывал. В тот же день он отправился поездом в Хайт. На сей раз он не стал беспокоить местного священника, а обратился к управляющей гостиницей.

– Я ищу тут, на побережье, подходящую школу для моей дочери, – сказал он. – Говорят, в здешних краях есть недурные школы. Может, вы мне посоветуете какую-нибудь из них?

– Охотно, – ответила управляющая, – в Хайте имеются две отличные школы. Одна принадлежит мисс Брэддок и расположена на вершине холма, ну а другая, конечно, Сент-Биз, школа с совместным обучением, стоит прямо на берегу. У нас в гостинице обычно останавливаются родители тех детей, которые учатся в Сент-Биз.

– С совместным обучением? – переспросил Блэк. – И там всегда так было?

– Со дня основания, уже тридцать лет, – отвечала управляющая. – Мистер и миссис Джонсон по-прежнему во гла-

ве, хотя, конечно, уже немолоды. Дело там поставлено очень хорошо, атмосфера безукоризненная. Я знаю, у некоторых людей есть предубеждение против школ с совместным обучением, будто бы девочки от этого делаются мужеподобными, а мальчики женственными, но я сама ничего подобного не замечала. Дети как дети, выглядят веселыми, и к тому же их там держат только до пятнадцати. Если хотите, я могу устроить вам свидание с мистером или миссис Джонсон. Я их хорошо знаю.

Блэк заподозрил, что она получает комиссионные за учеников, которых поставляет для школы.

— Большое спасибо, — ответил он, — я буду вам очень признателен.

Встреча была назначена на следующее утро в половине двенадцатого.

Блэка удивило, что в Сент-Биз обучение совместное. Он не ожидал от distinguished Генри Уорнера такой широты взглядов. И однако, судя по описанию, данному стариком Харрисом, речь шла именно о Сент-Биз. Школа глядела на море, вид был прекрасный. Вторая же школа, принадлежавшая мисс Брэдок, скрывалась за холмом в верхней части города, обзора из нее никакого не было, спортивных площадок не имелось. Блэк удостоверился в этом собственными глазами, осмотрев школы снаружи, прежде чем отправиться на свидание с директором.

Пока, поднявшись по ступеням, он ждал у дверей, до него

доносился запах вощеного линолеума, чисто вымытых полов и мебелиной протирки. Открывшая ему горничная провела его в большой кабинет по правую сторону холла.

Пожилой лысый человек в роговых очках, расплываясь в улыбке, поднялся с кресла и приветствовал его.

– Рад познакомиться с вами, мистер Блэк. Стало быть, вы ищете школу для своей дочери? Хочу надеяться, вы уйдете в уверенности, что нашли ее.

Мистер Блэк определил его для себя одним словом: «коммерсант». Вслух же принялся плести небылицы про дочь Филлис, которая как раз достигла трудного возраста.

– Трудного? – переспросил мистер Джонсон. – Стало быть, Сент-Биз создан для Филлис. У нас нет трудных детей. Все лишнее, наносное стирается. Мы гордимся нашими веселыми, здоровыми мальчиками и девочками. Пойдемте, поглядите на них.

Он хлопнул Блэка по спине и повел осматривать школу. Блэка школы не интересовали, ни совместные, ни раздельные, интересовал его только ревматизм Мэри Уорнер девятнадцатилетней давности. Но он обладал терпением и дал отвести себя в каждый класс, в каждый дортуар (девочки и мальчики размещались в разных крылах здания), в гимнастический зал, плавательный бассейн, лекционный зал, на спортивные площадки и, под конец, в кухню.

После чего мистер Джонсон с победоносным видом привел его назад, в свой кабинет.

– Ну как, мистер Блэк? – провозгласил директор, глаза его за стеклами роговых очков сияли. – Достойны ли мы, по-вашему, принять Филлис?

Блэк откинулся на спинку стула и сложил руки на груди – олицетворение любящего отца.

– Школа великолепна, – начал он, – но должен сказать, нам приходится думать о здоровье Филлис. Она не очень-то крепкая девочка, легко простужается. Я вот сомневаюсь, не слишком ли резкий здесь воздух.

Мистер Джонсон расхохотался и, выдвинув ящик стола, достал книгу.

– Мой дорогой мистер Блэк, – сказал он, – Сент-Биз занимает одно из первых мест среди школ Англии по состоянию здоровья детей. Скажем, ребенок простудился. Немедленно его или ее изолируют. Простуда не распространяется. Зимой по заведенному порядку нос и горло учащимся профилактически орошают. В летние месяцы дети делают упражнения для легких перед открытым окном. Уже пять лет у нас ни разу не было эпидемии гриппа. Один случай кори два года назад. Один случай коклюша три года назад. У меня тут список болезней, перенесенных учащимися за многие-многие годы, и список этот я с гордостью могу продемонстрировать любому из родителей.

Он протянул книгу мистеру Блэку, и тот взял ее с видимым удовольствием. Именно этого свидетельства он жаждал.

– Поразительно, – проговорил он, переворачивая страни-

цы. — Разумеется, таким превосходным результатам способствуют современные методы гигиены. Несколько лет назад такого отчета быть не могло.

— Так было всегда, — возразил мистер Джонсон, вставая и протягивая руку к следующему тому на полке. — Выбирайте любой год по своему усмотрению. Вам меня не уличить.

Без всяких околичностей Блэк назвал год, когда Мэри Уорнер была взята отцом из школы.

Мистер Джонсон провел рукой по корешкам стоявших томов и достал требуемый год. Блэк стал листать книгу, отыскивая упоминание о ревматизме. Перечислялись простуды, перелом ноги, заболевание краснухой, растянутая лодыжка, воспаление среднего уха, но интересовавшего его случая не было.

— А ревматизм у вас когда-нибудь бывал? — поинтересовался он. — Моя жена особенно боится, как бы Филлис не заболела ревматизмом.

— Никогда, — твердо заявил мистер Джонсон. — Мы проявляем крайнюю заботливость. После занятий спортом детям полагается досуха растираться, постельное белье и одежду у нас тщательно проветривают.

Блэк захлопнул книгу. Он решил действовать напрямик.

— Мне нравится все, что я здесь вижу, — сказал он, — но, пожалуй, я буду с вами откровенен. Моей жене кто-то дал список школ, ваша в том числе, но жена сразу ее вычеркнула потому, что вспомнила, как много лет назад знакомая пре-

дупреждала ее против Сент-Биз. У этой знакомой был знакомый... знаете, как бывает... короче говоря, тот знакомый вынужден был забрать дочь из вашей школы и даже собирался подать на Сент-Биз в суд за преступную небрежность.

Улыбка сошла с лица мистера Джонсона. Глаза за стеклами очков сузились.

– Буду весьма обязан, если вы откроете мне фамилию того знакомого, – произнес он холодно.

– Само собой разумеется, – отозвался Блэк. – Знакомый этот впоследствии уехал из Англии в Канаду. Он был священник. Достопочтенный Генри Уорнер, так его звали.

Очки не скрыли промелькнувшей настороженности в глазах мистера Джонсона. Он облизнул губы.

– Достопочтенный Генри Уорнер... – пробормотал он, – дайте-ка припомнить.

Он откинулся на спинку стула и сделал вид, что задумался. Блэк, привычный к уверткам, понял, что директор Сент-Биз усердно соображает, оттягивая время.

– Преступная небрежность, – повторил Блэк. – Он употребил именно эти слова, мистер Джонсон. И представьте, какое совпадение: на днях я встретил родственницу Уорнера и она как раз заговорила об этой истории. Оказывается, Мэри Уорнер чуть не умерла.

Мистер Джонсон снял очки и принялся медленно протирать их. Выражение его лица резко изменилось. Приторный администратор уступил место практичному дельцу.

– Вам эта история известна, очевидно, лишь с точки зрения родственников, – проговорил он. – Преступная небрежность была проявлена исключительно отцом, Генри Уорнером, но не нами.

Блэк пожал плечами.

– Кому прикажете верить? – пробормотал он. Реплика была рассчитана на то, чтобы раззадорить директора.

– Кому верить? – завопил мистер Джонсон, окончательно отбросив напускное добродушие и стуча ладонью по столу. – Я утверждаю со всей ответственностью, что случай с Мэри Уорнер особый, единственный, какого никогда не бывало ни до, ни после.

Мы тогда проявляли чрезвычайную бдительность. И проявляем бдительность сейчас. Я объяснял отцу: то, что произошло с Мэри, наверняка произошло во время каникул, а никоим образом не в школе. Он не поверил мне, утверждал, будто повинны наши мальчики из-за отсутствия надзора. Я вызвал по очереди всех мальчиков старше определенного возраста сюда, к себе, и учинил допрос с глазу на глаз. Мои мальчики говорили правду. Их вины тут не было. Пытаться выяснить что-либо у самой девочки было бесполезно, она не понимала, о чем идет речь и что мы хотим у нее узнать. Едва ли нужно говорить, мистер Блэк, каким ударом явилась эта история для нас с женой и для всего персонала школы. Слава богу, она была заглажена и, как мы надеялись, забыта.

Лицо его выглядело усталым и напряженным. История

эта, возможно, и была заглажена, но явно не была забыта директором.

– И что дальше? – спросил Блэк. – Уорнер пожелал забрать свою дочь?

– Он пожелал? – повторил мистер Джонсон. – Прошу прощения, это мы пожелали, чтобы он ее забрал. Как могли мы держать у себя Мэри Уорнер, когда выяснилось, что она на пятом месяце беременности?

Кусочки головоломки подбирались весьма удачно. Удивительно, подумал Блэк, как они сами подвертываются под руку, стоит сосредоточиться на работе. Выявлять правду, используя людскую ложь, способ весьма продуктивный. Сперва мисс Марш – пришлось пробить ее железный панцирь. Достопочтенный Генри Уорнер тоже изо всех сил постарался навести туману. Тут – железнодорожная катастрофа, там – ревматизм. Бедняга, вот, наверное, удар для него был! Неудивительно, что спровадил дочку в Корнуолл, чтобы скрыть грех, запер дом в приходе и покинул эти края.

Но какая все-таки черствость – бросить дочь после того, как концы спрятаны в воду. Потеря-то памяти, скорее всего, подлинная. Что же ее вызвало? Стал ли мир детства кошмаром для четырнадцатилетней школьницы и тогда вмешалась природа и милосердно вычеркнула из ее памяти все, что произошло?

У Блэка создалось именно такое впечатление. Но работник он был добросовестный, за расследование ему хорошо

платили, и он не собирался являться к клиенту с незаконченным отчетом. Он должен довести дело до конца. Карнлит – вот место, куда Мэри Уорнер была отправлена на излечение мнимого ревматизма. Блэк решил ехать туда.

Фирма, на которую он работал, снабдила его машиной, и Блэк пустился в путь. Ему пришло в голову, что небесполезно было бы еще разок потолковать со стариком Харрисом, и, поскольку Лонг-Коммон лежал по дороге на юго-запад, он сделал там остановку; с собой он в качестве предложения вез садовнику небольшой розовый куст, который приобрел дорогой у какого-то огородника. Он собирался выдать его за экземпляр из собственного сада и преподнести в качестве небольшой платы за совет, данный в прошлый раз.

Блэк затормозил у дома садовника в полдень, когда старик, по его расчетам, должен был обедать.

Ему не повезло, Харриса дома не оказалось. Старик уехал на цветочную выставку в Элтон. Его замужняя дочь подошла к двери с ребенком на руках. Она не представляла себе, когда отец вернется. На вид она была милая и приветливая. Блэк раскурил сигарету, отдал ей розовый куст и выразил восхищение малышом.

– У меня дома такой же, – сказал он, со свойственной ему легкостью входя в новую роль.

– Правда, сэр? У меня еще двое, Рой младший.

Они поболтали о детях, пока Блэк курил.

– Передайте вашему отцу: я съездил в Хайт денька два на-

зад, – сообщил он, – навестил свою дочку, она учится там в школе. И, как ни странно, познакомился с директором Сент-Биз, где училась Мэри Уорнер. Ваш отец прошлый раз рассказал мне про школу, про то, как сердился на них викарий, когда дочь у него заболела ревматизмом... Так вот, директор хорошо помнит мисс Уорнер. Он утверждает (а уж сколько лет прошло!), будто то был вовсе не ревматизм, а девочка подхватила какой-то вирус дома.

– Вот оно как? – отозвалась молодая женщина. – Понятно, надо же ему как-то заступиться за школу. Да, так она и называлась, Сент-Биз. Мы примерно одних лет были, и, когда она жила дома, то давала мне покататься на своем велосипеде. Уж такое было для меня удовольствие!

– Поприветливее, выходит, своего папаши, – подхватил Блэк. – Ваш отец, кажется, его недолюбливал.

Женщина засмеялась.

– Да, – ответила она, – боюсь, у нас все были о нем неважного мнения, хотя, смею думать, человек он был достойный. Мисс Мэри – та была душенька. Все ее любили.

– Наверное, вас огорчило, что она уехала в Корнуолл, а потом даже не заехала домой попрощаться.

– Да, и еще как! В толк не могла взять, в чем дело. Я ей писала туда, но ответа так и не получила. Очень мне было обидно, да и маме тоже. Совсем не похоже на мисс Мэри.

Блэк подергал кисточку на туфельке у малыша: тот уже морщил личико, собираясь заплакать, и Блэк думал отвлечь

его. Он не хотел, чтобы мать ушла в дом.

– Должно быть, скучно ей было одной в доме на каникулах, – заметил Блэк. – С вами, наверно, было не так одиноко.

– Не думаю, чтоб мисс Мэри чувствовала себя одиноко, – возразила молодая женщина. – Она была такая приветливая, с каждым поговорит – не то что надутый викарий. Мы так славно с ней играли – в индейцев и во всякое такое, знаете, чего только детишки не придумают.

– В кино, значит, с дружками не бегали?

– Нет, что вы. Мисс Мэри была не такая. Это теперь девчонки ужас какие стали, не находите? Будто они взрослые. Прямо гоняются за мужчинами.

– Ну уж кавалеры-то у вас, наверное, все-таки имелись?

– Да нет, сэр, право, нет. Мисс Мэри привыкла у себя в школе к мальчишкам. И потом, викарий не потерпел бы никаких кавалеров.

– Да, скорее всего. Так мисс Мэри его боялась?

– Нет, боялась – не скажу. А старалась не сердить.

– И домой, наверно, всегда засветло возвращалась?

– Уж конечно. Мисс Мэри, как стемнеет, из дому ни на шаг.

– Вот бы мне заставить свою дочь возвращаться пораньше, – заметил Блэк. – Летом она иной раз чуть не в одиннадцать является. Хорошо ли это? Особенно как начитаешься в газетах, какие случаи бывают.

– Да, ужас, правда? – подхватила дочь садовника.

– У вас-то тут местечко тихое, темных личностей небось не водится. Да и раньше вряд ли случались.

– Это так, – согласилась собеседница, – хотя, конечно, когда сборщики хмеля появляются, шумновато становится.

Блэк отбросил сигарету, она начала уже жечь пальцы.

– Сборщики хмеля?

– Да, сэр. Наша местность славится хмелем. Летом наезжают сборщики и раскидывают поблизости лагерь. Грубова-тый народ – из лондонских трущоб.

– Как интересно. Я понятия не имел, что в Гемпшире выращи-вают хмель.

– Как же, сэр. У нас это давнишний промысел.

Блэк помахал цветком перед носом у малыша.

– Должно быть, вам с мисс Мэри и близко к ним подходить не полагалось, – сказал он.

Молодая женщина улыбнулась.

– Не полагалось, да мы не слушались, – призналась она. – Уж и задали бы нам взбучку, если б узнали. Помню, как-то раз... Что, мой маленький? Баиньки пора? Сонный совсем...

– Вы сказали «как-то раз»... – напомнил Блэк.

– Ах да, про сборщиков. Как-то раз мы удрали к ним после ужина... мы с одной семьей подружились... а у них вроде справляли чей-то день рождения... так они нам дали с мисс Мэри пива выпить. Мы его в жизни не пробовали и прямо запьянели.

Мисс Мэри еще пьяней меня была, она мне потом призна-

валась, что ничегошеньки не помнит, что вокруг происходило. Мы сидели у палаток, ну, где они жили, а после уж, когда домой добрались, в голове у нас так и кружилось, мы прямо перетрусили. Я потом частенько думала: а что бы викарий сказал, когда б узнал про это, да и мой папаша тоже? Я бы трепку получила, а мисс Мэри нагоняй.

– И поделом, – заметил Блэк. – По сколько же лет вам тогда было?

– Ну, мне тринадцать, а мисс Мэри исполнилось четырнадцать. Это было в последний раз, что она приезжала на каникулы. Бедная мисс Мэри. Я нередко вспоминаю про нее. Что-то с ней случилось? Вышла, конечно, в Канаде замуж. Говорят, красивая страна.

– Да, по всем отзывам, место чудесное. Что ж, хватит мне тут стоять и сплетничать. Не забудьте передать отцу розу. И укладывайте поскорее сынишку, пока он у вас на руках не заснул.

– Непременно, сэр, до свиданья, спасибо вам.

«Напротив, тебе спасибо», – подумал Блэк. Не зря он сюда заехал. Толку от дочки старика Харриса оказалось больше, чем от него самого. Сборщики хмеля и пиво. Почему бы нет? Как выразился бы мистер Джонсон из Сент-Биз, факты не оставляют места для сомнения. И время совпадает. Мальчики из Сент-Биз ни при чем. Но история достаточно скверная.

Блэк отпустил сцепление и двинулся через весь Лонг-Коммон на запад. Он чувствовал, что очень важно выяснить,

на каком этапе Мэри Уорнер потеряла память. Ясно, что на празднике у сборщиков хмеля она не помнила ничего, что с ней произошло. Головокружение, провал в сознании – и торопливое бегство домой двух девчонок, со страхом ожидающих, что обнаружится их отсутствие.

Мистер Джонсон в пылу защиты своей школы обронил, что Мэри Уорнер, безусловно, находилась в полном неведении относительно своего состояния.

Когда школьная медицинская сестра сделала ужасное открытие и стала осыпать упреками Мэри Уорнер, девочка была ошеломлена. Она думала, та сошла с ума. «Что вы хотите сказать? – спрашивала Мэри. – Я ведь еще не взрослая и не замужем. Вы хотите сказать, что я как Дева Мария?» У нее не было ни малейшего представления об отношениях полов.

Школьный врач посоветовал не мучить девочку дальнейшими расспросами. Послали за отцом. И Мэри Уорнер увезли. На том для мистера Джонсона и остального персонала история и закончилась.

Любопытно, думал Блэк, что сказал викарий дочери. Он подозревал, что отец допрашивал несчастную девочку до тех пор, пока у нее не началось воспаление мозга. Такое потрясение вполне могло сделать любого ребенка душевнобольным на всю жизнь. Быть может, он найдет разгадку в Карнлите. Трудность заключалась в том, что Блэк хорошенько сам не знал, в чем должны состоять поиски. Достопочтенный Уорнер наверняка представился под вымышленной фамилией.

Карнлит оказался небольшим рыбацким портом на южном побережье. Очевидно, он разросся за прошедшие девятнадцать лет: в нем имелись три или четыре довольно большие гостиницы, порядочное количество богатых домов, и было очевидно, что у населения нынче на первом месте уже не ловля рыбы, а ловля туристов.

Семейство Блэка, Филлис и сынишка, вернулись назад в свою мифическую страну – туда, откуда возникли. Теперь Блэк изображал молодожена, чья восемнадцатилетняя жена ожидает первенца. Блэк сомневался в правильности избранной линии, когда начал разузнавать про частные лечебницы. Но расспросы его увенчались успехом. В Карнлите действительно имелась частная лечебница, занимавшаяся исключительно родами. Называлась она Приморская. И стояла на краю отвесных скал, прямо над гаванью.

Он припарковал машину у стены лечебницы, вышел и, подойдя к главному входу, нажал звонок. Он выразил желание видеть старшую сестру. Да, он хочет заранее снять палату для будущих родов.

Его провели в комнату старшей сестры. Она оказалась низенькой веселой толстухой, и он почувствовал уверенность, что свою мифическую жену Перл (так в порыве вдохновения он решил ее назвать) он спокойно препоручит умелым заботам этой женщины.

– И когда ожидается счастливое событие?

Не местная корнуоллка, а жизнерадостная, громкоголосая

жительница Лондона. Блэк сразу почувствовал себя в своей тарелке.

– В мае, – ответил он. – Жена-то сейчас у своих, а я вот решил съездить сам по себе. Вбила себе в голову, что событие должно совершиться у моря, а поскольку мы тут провели медовый месяц, она к вашему городку питает сентиментальные чувства. Да и я тоже.

Блэк строил, как он рассчитывал, глуповатую улыбку будущего папаши.

Но толстуху это не устрасило, она, должно быть, и не таких дураков видала.

– Ну и правильно, мистер Блэк, – сказала она, – потянуло, значит, на место преступления? – И она громко расхохоталась. – Не все мои пациентки любят оглядываться назад. И сколько таких – вы себе не представляете.

Блэк предложил сестре сигарету. Она взяла и с удовольствием затянулась.

– Надеюсь, вы не разобьете моих иллюзий? – проговорил он.

– Иллюзий? – переспросила сестра. – Иллюзий тут немного. Все выветриваются в родильной палате. Один катается, а другой потом саночки вози.

Блэк пожалел мифическую Перл.

– Ничего, – сказал он, – жена у меня не трусиха. Честно говоря, она много моложе меня. Только-только восемнадцать исполнилось, вот что меня беспокоит. Не слишком ли

она молода, чтобы рожать, сестра?

– Что значит «слишком»? – Сестра выпустила вверх струю дыма. – Чем моложе, тем лучше. Костяк еще не затвердел, и мышцы не такие жесткие. От немолодых – вот от кого голова болит. Являются сюда, когда им тридцать пять стукнуло, и воображают, будто на пикник приехали. Ну, мы им быстро мозги вправляем. Ваша жена много играет в теннис?

– Совсем не играет.

– Ей же лучше. А то у нас тут на прошлой неделе одна рожала – местная чемпионка по теннису, из Ньюки. До того мускулы жесткие – тридцать шесть часов мучилась. Мы с акушеркой к концу начисто вымотались.

– А она как?

– Что ей сделается – зашили, и все дела.

– Вам уже попадались восемнадцатилетние?

– И моложе бывали. Мы всех обслуживаем – от четырнадцати до сорока пяти. Но далеко не у всех был приятный медовый месяц. Хотите взглянуть на моих карапузов? Один мальчонка час назад родился, акушерка его обрабатывает, чтобы к матери отнести.

Блэк взял себя в руки и приготовился к тяжкому испытанию. Если старшая сестра после одной сигареты так откровенничает, то как же на нее подействуют две порции джина? Он понял, что должен пригласить ее пообедать. Он обошел с ней лечебницу, видел будущих матерей, видел нескольких, чьи иллюзии явно уже разлетелись в прах, и после того, как

он произвел осмотр новорожденных, родильного отделения и прачечной, он дал себе зарок остаться бездетным.

Он выбрал палату для Перл с видом на море, определил срок в мае, даже внес задаток, а напоследок пригласил старшую пообедать.

– Очень любезно с вашей стороны, – отозвалась она, – с моим удовольствием. «Приют контрабандистов» с виду ресторанчик неказистый, но бар там лучший в Карнлите.

– Значит, «Приют контрабандистов», – заключил Блэк.

И они условились встретиться в семь вечера.

К половине десятого, после двух двойных порций джина, омара и бутылки шабли, за которой последовал бренди, трудность состояла уже не в том, чтобы заставить старшую сестру разговориться, а чтобы заставить ее замолчать.

Она пустилась в описание тонкостей акушерского дела и обрушила на Блэка такое обилие подробностей, что у него голова буквально пошла кругом. Он сказал, что ей следует писать воспоминания. Она ответила, что напишет, когда уйдет на пенсию.

– Без упоминания фамилий, конечно, – добавил Блэк. – И не говорите мне, будто все ваши пациентки – замужние женщины, все равно не поверю.

Сестра пропустила первую порцию бренди.

– Я же вам говорила, к нам в Приморскую кто только не попадает. Но пусть вас это не пугает, за эти стены ничего не выходит.

– Я не из пугливых, – отозвался Блэк, – и моя Перл тоже. Старшая сестра улыбнулась.

– Хорошо, вы такой разумный, – заметила она. – Жалко, что не все мужья такие. Меньше бы слез проливалось в Приморской. – Сестра с доверительным видом пригнулась поближе. – Вы бы ахнули, если б знали, сколько иные платят. Само собой, не такие парочки, как вы, венчанные по закону. А те, которые оступились. Приезжают сюда, чтобы разделаться со своей заботой, и делают вид, будто все у них по честному, все хорошо и как надо. Но меня не обманешь. Я своим делом занимаюсь давно. Бывали у нас и титулованные дамочки, притворялись, будто простые. А мужья ихние думали, что они отдыхают себе на юге Франции. Как бы не так, они в это время в Приморской занимались совсем другим, на что и не рассчитывали.

Блэк заказал еще бренди.

– А что происходит с нежеланными детьми? – поинтересовался он.

– Ну, у меня есть кое-какие связи, – ответила старшая сестра. – В здешних краях найдется сколько угодно женщин, которые не откажутся от двадцати пяти шиллингов в неделю за ребенка, пока он не достигнет школьного возраста. Вопросы они не задают. Иной раз увидишь фото настоящей матери в газете. Покажешь акушерке, и мы с ней посмеемся в кулак. «Когда рожала, так не улыбалась», – скажешь. Да, уж возьмусь я за воспоминания. Много чего интересного

понапишу, нарасхват пойдут.

Сестра угостилась еще одной блэковской сигареткой.

– А все-таки беспокойно мне насчет возраста, – вставил он. – Какие у вас самые молодые были?

Старшая сестра задумалась, пуская дым в воздух.

– Шестнадцать – пятнадцать, – ответила она. – Да, одна была – еле пятнадцать исполнилось, если правильно помню. Печальный был случай. Давно это, правда, было.

– Расскажите-ка, – попросил Блэк.

Старшая отхлебнула бренди.

– Из состоятельной семьи была, – начала она, – отец готов был заплатить мне сколько ни попроси, да я не хапуга. Назвала я ему сумму по справедливости, а он уж так рад был взвалить дочку на мои плечи, что и сверх того дал. Она у нас пять месяцев прожила. Вообще-то, так не полагается, но он заявил, что либо так, либо в исправительный дом, ну я и пожалела девчушку.

– Как же это приключилось? – перебил Блэк.

– Совместное обучение виной, так отец объяснял. Только я этой сказке не поверила. И вот ведь что удивительно – сама девчушка знать не знала, как это получилось. Обычно мне всю подноготную у моих пациенток удается вызнать, а от нее так ничего и не добилась. Отец – так она нам говорила – объявил, что это величайший позор для девушки, а ей непонятно почему, ведь ее отец священник и он во всех проповедях учит – то, что случилось с Девой Марией, – самое

прекрасное чудо на свете.

К столику подошел официант со счетом, но Блэк сделал знак подождать.

– Так, выходит, она думала, будто это сверхъестественные дела?

– Именно так и думала, – подтвердила сестра, – и сбить ее с этого было невозможно. Уж мы ей растолковали, что к чему, а она все равно не поверила. Акушерке она сказала, что, может, с другими и случаются всякие ужасы, но с ней ничего подобного не происходило. Ей, говорит, часто ангелы снятся, вот какой-нибудь ангел и явился к ней во сне, и отец, мол, еще первый признает, что был не прав, когда родится ребеночек: ведь он непременно будет новый мессия. Поверите ли, слушаешь ее – и жалость берет, так она была уверена. Она нам сказала, что детей любит и ни капельки не боится и одно ее смущает: достойна ли она быть его матерью, ведь она твердо знает – именно ему суждено спасти мир.

– Ужасная история, – заметил Блэк, заказывая кофе.

Старшая сестра делалась все человечнее и отзывчивее. И даже перестала причмокивать губами.

– Уж так мы с акушеркой к ней привязались, – продолжала она. – Да и невозможно было ее не полюбить, кроткая, как овечка. Мы и сами чуть не поверили в ее ангелов. Она напомнила нам, что Дева Мария была еще годом моложе, когда родила Иисуса, и Иосиф тоже старался спрятать ее от людских глаз, стыдясь, что у нее ребенок. «Вот увидите, – гово-

рила она нам, – в ту ночь, когда родится мой мальчик, в небе будет большая звезда». И так оно и вышло. Правда, то была просто Венера, но мы с сиделкой радовались, что звезда видна. Девочке полегче было, отвлекало от происходящего.

Старшая сестра допила кофе и посмотрела на часы.

– Пора, – сказала она, – у нас в восемь утра кесарево, выспаться надо.

– Сперва dokonчите историю, – остановил ее Блэк. – Чем она завершилась?

– Родился мальчишка, и я в жизни не видела картинки милее, когда эта крошка сидела на кровати со своим малышом на руках, точь-в-точь будто ей куклу подарили на день рождения. И уж такая довольная, прямо слов не находила. Знай повторяет «ах, сестра» да «ох, сестра». Знает Бог, меня разжалобить трудно, но и меня чуть слеза не прошибла, и сиделку тоже.

Одно я вам могу сказать точно: кто ей это устроил, был рыжий. Помню, я сказала девчухе: «Чистый Рыжик, ни дать ни взять». И так мы все и звали его Рыжиком, и бедняжка тоже его так звала. А уж про то, как их потом разлучили, так и рассказывать неохота.

– Разлучили? – переспросил Блэк.

– Пришлось. Отец хотел увезти ее куда-то, чтоб начать новую жизнь, а с младенцем на руках какая новая жизнь, тем более она и сама еще дите была. Мы ее с Рыжиком продержали у себя четыре недели, и то лишку получилось – она успела

накрепко к нему привязаться. Но так заранее было обговорено: отец заберет ее, а ребенка отдадим в какой-нибудь приют. Мы с акушеркой потолковали и решили, что единственный способ – сказать бедняжке, будто Рыжик ночью умер. Так мы и сделали. И тут все вышло еще хуже, чем мы думали. Она вся как побелеет да как закричит... До самой смерти, наверно, у меня в ушах будет стоять тот крик. Жуткий, пронзительный, странный такой. После того потеряла она сознание, и так надолго, что мы думали, так и помрет и в себя не придет. Доктора позвали, а обыкновенно мы сами пациенток выхаживаем, и доктор сказал, что все это чудовищно и что она от потрясения может помешаться. В конце концов она пришла в себя. Но что бы вы думали? У нее начисто память отшибло. Не узнавала нас, родного отца, вообще никого. И не помнила ничего, что с нею случилось. Память как умерла. А так-то она была здорова и во всем остальном нормальная. Доктор тогда сказал, что это самое милосердное, что могло произойти. Но уж коли память вдруг вернется, так он сказал, то тут для бедной девчушки начнется ад.

Блэк подозвал официанта и расплатился.

– Жаль, конечно, что вечер наш закончился на такой трагической ноте, – проговорил он, – но все равно спасибо вам за рассказ. Непременно включите его в ваши воспоминания, когда соберетесь писать. А что, кстати, было с ребенком?

Сестра взяла со стола перчатки и сумочку.

– Его приняли в приют Святого Эдмунда в Ньюки. У ме-

ня там был знакомый в совете попечителей. Я все устроила, хотя трудов это стоило немалых. Дали мы ему имя Том Смит – хорошее имя, добропорядочное, но для меня он до сих пор Рыжик. Бедный парень, так и проживет – не узнает, что в материнских глазах он был будущим спасителем человечества.

Блэк проводил старшую сестру назад, в лечебницу, и пообещал написать сразу по возвращении домой, подтвердить заказ на палату. Затем он вычеркнул ее и Карнлит из записной книжки и приписал ниже: «Приют Св. Эдмунда, Нью-ки». Досадно, что он забрался так далеко на юг, когда можно было проехать всего несколько миль и установить простой факт. Установить простой факт оказалось, однако, труднее, чем он предполагал.

В приютах, где живут дети незамужних матерей, обычно не слишком склонны открывать местопребывание своих бывших подопечных, и заведующий приютом Святого Эдмунда не был исключением из правила.

– Это не годится, – объяснил он Блэку. – Дети знают один дом – тот, в котором они выросли. Течение их жизни нарушилось бы, если бы родители впоследствии пытались завязать с ними отношения. Могли бы возникнуть разного рода осложнения.

– Вполне вас понимаю, – согласился Блэк, – но в данном случае осложнений не предвидится. Отец неизвестен, мать умерла.

– Я это знаю лишь с ваших слов, – возразил заведующий. –

Извините, но у нас строго запрещено давать какие-либо сведения. Могу сказать вам только одно. Последнее, что мы о нем слышали, это что он крепко стоит на ногах, нашел работу, он теперь коммивояжер. К сожалению, больше я ничего сказать не имею права.

– Вы сказали совершенно достаточно, – ответил Блэк.

Он вернулся к машине и заглянул в свои записи.

Записи подтвердили то, о чем смутно напомним ему слова заведующего. Теперь все совпало.

Последним, если не считать дворецкого, кто видел леди Фаррен в живых, был агент, собирающий заказы на садовую мебель.

Блэк повернул на север, к Лондону.

Контора фирмы, производившей садовую мебель, помещалась в Норвуде, Миддлсекс. Блэк добыл адрес, позвонив по междугородному телефону сэру Джону. Каталог лежал среди других бумаг и писем леди Фаррен.

– А в чем дело? Вы напали на что-то? – спросил по телефону сэр Джон.

– Просто заключительная проверка, – ответил Блэк уклончиво. – Моя всегдашняя дотошность. Я свяжусь с вами в самое ближайшее время.

Он отправился на свидание с управляющим фирмой и на этот раз не стал маскироваться. Он вручил управляющему свою карточку и объяснил, что нанят сэром Джоном Фарре-

ном для выяснения всех обстоятельств, предшествовавших смерти леди Фаррен, сообщение о которой управляющий, несомненно, видел в газетах. Она застрелилась неделю назад. Утром перед смертью она сделала заказ на садовые кресла торговому агенту их фирмы. Нельзя ли, спросил Блэк, познакомиться с этим человеком?

Управляющий выразил крайнее сожаление, но все три его агента были в отъезде, а когда они в пути, с ними нет никакой связи. Они проделывают большие расстояния. Не сообщит ли ему мистер Блэк, кого именно из агентов он хотел бы расспросить? Ах, Тома Смита. Управляющий сверился с учетной книгой. Том Смит совсем еще молодой человек. Это его первая поездка. В Норвуде он ожидается не раньше чем через пять дней. Если мистер Блэк хочет видеть Смита как можно скорее, управляющий советует зайти к Смицу прямо домой к концу четвертого дня, когда тот должен возвратиться. Он дал Блэку адрес.

– Скажите, будьте добры, – спросил Блэк, – у этого молодого человека, случайно, не рыжие волосы?

Управляющий улыбнулся:

– Шерлок Холмс? Да, у Тома Смита копна огненно-рыжих волос. Так и хочется погреть о них руки.

Блэк поблагодарил его и покинул контору.

Не поехать ли сейчас прямо к сэру Джону, размышлял он. Есть ли смысл ждать еще пять дней и допрашивать юного Смита? Все кусочки головоломки легли на свои места. Исто-

рия выстроилась убедительным образом. Леди Фаррен, очевидно, узнала сына – и точка. И все же... Узнала ли она его? Дворецкий принес леди Фаррен в гостиную стакан молока после того, как коммивояжер ушел, и леди Фаррен была совершенно такой, как всегда. Все затейливой формы кусочки головоломки легли на свои места – все, кроме одного. Блэк решил подождать.

На четвертый день примерно в половине восьмого вечера он отправился в Норвуд в надежде, что Том Смит вернулся. Ему опять повезло. Хозяйка, отворившая дверь, сообщила, что мистер Смит как раз ужинает, и не пройдет ли он туда сам. Она провела Блэка в тесноватую гостиную, где за столом сидел юноша, почти мальчик, и уплетал копченую селедку.

– К вам джентльмен, мистер Смит, – произнесла хозяйка и удалилась.

Смит отложил нож и вилку и обтер губы.

У него было узкое, заостренное, как мордочка у хорька, лицо и бледно-голубые, близко сидящие глаза. Рыжие волосы торчали, как на щетке. Роста он был небольшого и довольно тщедушен.

– В чем дело? – держался он настороженно, хотя Блэк еще не успел рта раскрыть.

– Моя фамилия Блэк, – с любезным видом представился детектив. – Я из частного сыскного агентства, хочу задать несколько вопросов, если вы не против.

Том Смит встал. Глазки его превратились в острые точки.

— Куда вы гнете? — сказал он. — Я ничего такого не сделал. Блэк закурил и уселся на стул.

— Я и не говорю, что вы что-то сделали. Я даже не заглядываю в вашу книгу заказов, если вы этого боитесь. Но мне случайно стало известно, что вы недавно посещали леди Фаррен и она заказала два садовых кресла.

— Ну и что?

— Ничего. Расскажите, как прошло свидание.

Том Смит продолжал с подозрением смотреть на Блэка.

— Ладно, — произнес он наконец, — предположим, был я у этой леди Фаррен, предположим, сделала она парочку заказов. Я сам все улажу с фирмой, когда там буду, если они чего учуяли. Скажу, мол, по ошибке попросил выписать чек на предъявителя, больше этого не повторится.

Блэку пришла на память мисс Марш, а также достойный Генри Уорнер. И даже мистер Джонсон с его обидчивостью и оборонительной позицией. Почему люди неизменно лгут, когда спрашиваешь их совсем о другом?

— Думаю, — проговорил Блэк, — было бы гораздо проще для вас и ваших отношений с фирмой, если бы вы рассказали мне все начистоту. Расскажите — и я не стану сообщать ни фирме, ни заведующему приютом.

Юнец смущенно переминался с ноги на ногу.

— Так вы от них? — спросил он. — Самому бы мне догадаться. Вечно они ко мне придираются, с самого детства так. Шагу ступить не дают.

В голосе у него зазвучала жалость к себе, он почти хныкал. «Дитя, призванное спасти человечество, – подумал Блэк, – явно пока не преуспело на этом поприще».

– Меня интересует не твое детство, – прервал он, – а только самое непосредственное прошлое – посещение дома леди Фаррен. Может, ты не знаешь, – леди умерла.

Парень кивнул.

– Видел в вечерней газете, потому и решился проделать эту штуку. Ведь она не могла на меня накапать.

– Какую штуку? – спросил Блэк.

– Потратить деньги, – ответил Том Смит, – вычеркнуть заказ из книги и никому ничего об этом не докладывать. Куда проще.

Блэку, кутившему сигарету, вдруг представились теснящиеся палатки, грузовики, тюфяки, сваленные на поле, где по высоким шестам вился хмель, взрывы смеха, запах пива и хитрый рыжий малый с бегаящими глазками, похожий на этого, прячущийся за грузовиком.

– Да, – сказал Блэк, – куда проще, как ты говоришь. Расскажи-ка поподробней.

Том Смит расслабился. Сыщик не собирался выдавать его. При условии, что он расскажет правду. Пожалуйста, расскажет.

– Леди Фаррен была в списке богачей в том районе, – начал он. – Мне сказали, денег куры не клюют, наверняка она заказ сделает. Я и заявился туда, дворецкий провел меня в

комнату, я дал леди каталог, и она выбрала два кресла, а я попросил чек. Она его выписала, а я его взял. И всех делов.

– Погоди, – прервал его Блэк. – Была ли с тобой леди Фаррен любезна? Проявила к тебе внимание?

– Внимание? – удивился Том. – С чего это? Кто я такой? Просто парень, который старается всучить ей садовые кресла.

– Что она тебе сказала? – не отставал Блэк.

– Ничего, смотрела каталог, а я стоял рядом и ждал, потом отметила в двух местах карандашом, а я спросил, не выпишет ли она чек на предъявителя. Просто почву прощупывал, понимаете. Уж очень у нее лицо было несмышленное, таких легко обманывать. А она глазом не моргнула, пошла к столу и выписала чек на двадцать фунтов. По десятке за кресло. Я сказал «до свиданья», она позвонила дворецкому, и он меня выпустил. Я тут же пошел и получил деньги по чеку. Положил денежки в бумажник, но тратить их сразу или нет – сомнения брали. А как увидел в газете, что леди померла, так и сказал себе: «Вот оно». Ну разве я чем виноват? Первый раз в жизни подвернулся случай заработать немного денег, про которые ни одна душа не знает.

Блэк потушил окурок.

– Первый случай в жизни – и ты смошенничал, – проговорил он. – Какую дорожку выбрал – по такой и покатишься. И не стыдно тебе?

– Стыдно, когда за руку схватят, – ответил Том Смит и

неожиданно улыбнулся. Улыбка осветила бледную хищную мордочку, сделала ярче светло-голубые глаза. Исчезло хитрое, настороженное выражение, и на лице подкупающе засияла неизвестно откуда взявшаяся невинность. – Теперь, вижу, номер не прошел, – проговорил он. – В другой раз попробую что-нибудь другое.

– Попробуй спасти человечество, – сказал Блэк.

– Чего? – не понял Том Смит.

Блэк попрощался, пожелал ему удачи и зашагал по улице, спиной ощущая, что малый стоит на пороге и смотрит ему вслед.

В тот же вечер Блэк отправился отчитываться перед сэром Джоном, но прежде, чем проследовать за дворецким в библиотеку, он высказал желание перемолвиться с ним наедине. Они зашли в гостиную.

– Вы провели коммивояжера в эту комнату и оставили одного с леди Фаррен, затем минут через десять леди Фаррен позвонила, и вы проводили молодого человека к выходу. После чего принесли для леди Фаррен стакан молока. Правильно?

– Абсолютно правильно, сэр.

– Когда вы вошли с молоком, что делала ее светлость?

– Стояла, сэр, вот примерно где вы стоите, и просматривала каталог.

– Она выглядела как обычно?

– Да, сэр.

– А потом что? Я уже спрашивал вас прежде, но хочу еще раз все проверить, прежде чем докладывать сэру Джону.

Дворецкий задумался.

– Я отдал ее светлости стакан. Спросил, есть ли распоряжения для шофера, она ответила, что нет, она поедет кататься позже с сэром Джоном. Упомянула, что выбрала два садовых кресла, и показала мне их в каталоге. Я сказал, что они пригодятся. Потом она положила каталог на стол, отошла к окну и стоя выпила молоко.

– И больше она ничего не говорила? Ни слова о коммивояжере, который доставил ей каталог?

– Нет, сэр. Она не сделала никакого замечания. Но помнится, я сделал замечание, когда выходил из комнаты. Но я уверен, что ее светлость не расслышала, она ничего не ответила.

– Какое замечание?

– В шутку – ее светлость любила посмеяться – я сказал, что, мол, если агент явится еще раз, я сразу его узнаю по волосам. «Чистый Рыжик, ни дать ни взять», – сказал я. Потом затворил дверь и пошел в буфетную.

– Спасибо, – поблагодарил его Блэк, – больше вопросов нет.

Он постоял у окна, выходявшего в сад. Вскоре вошел сэр Джон.

– Я ждал вас в библиотеке. Вы здесь давно?

– Да нет, пару минут, – ответил Блэк.

– Итак, каков ваш вердикт?

– Тот же, что и был, сэр.

– То есть мы вернулись к тому, с чего начали? Вы не отыскали никаких причин, по которым моя жена могла покончить с собой?

– Ровно никаких. Я пришел к выводу, что доктор прав. Внезапный импульс, обусловленный ее состоянием, побудил леди Фаррен пойти в оружейную комнату, взять ваш револьвер и застрелиться. Она была счастлива, спокойна и, как известно вам, сэр, и всем окружающим, прожила безупречную жизнь. Не было никаких видимых причин.

– Слава богу, – произнес сэр Джон.

До сих пор Блэк не считал себя сентиментальным. Теперь у него такой уверенности не было.

Паника

Отель находился на одной из узких, неказистых улочек, ведущих от бульвара Монпарнас.

Это был грязно-серый дом, отпрянувший от тротуара и втиснувшийся между двумя зданиями, словно сознавая собственное убожество и стыдясь его. Сама вывеска, помещенная высоко над входом, казалось, не желала привлекать внимания: на ней потускневшими золотыми буквами было выведено «Hotel»², а ниже, смиренно и неубедительно, уточнялось: «Confort»³.

Местоположение этого отеля, само его существование казалось бессмысленным. На улице не было ни одного кафе, где на столиках красуются веселенькие скатерти в клетку, а для привлечения прохожих выставлен щит с неразборчиво написанным, но щедрым меню. По соседству с отелем была только невзрачная фруктовая лавочка с пыльными окнами: жесткие сливы-венгерки, которые там сроду никто не покушал, да жалкие сморщенные апельсины. Выставленный товар облепили мухи, слишком вялые, чтобы шевелиться.

В отеле тоже царила неподвижность. Patronne⁴, обмякшая от жары, сидела за столиком в небольшой темной конторке,

---

² Отель, гостиница (*фр.*).

³ «Комфорт» (*фр.*).

⁴ Хозяйка, владелица (*фр.*).

подперев руками пухлое белое лицо и глотая воздух раскрытым ртом. Она тяжело отдувалась и клевала носом.

Да и кого бы не сморил сон в такую погоду?

Из года в год повторялось одно и то же. В июле свирепый, мертвенный зной, подобно белому пуховому одеялу, накрывал Париж, удушая тело, удушая мозг.

По руке хозяйки лениво ползла муха, мало-помалу добралась до плеча. Сквозь дрему хозяйка почувствовала муху, стряхнула ее и, очнувшись, зевнула, проворчала что-то себе под нос и влажными от пота пальцами откинула со лба крашенные рыжие волосы. Она пошарила ногой по полу в поисках туфель и подтащила их к себе, все еще зевая и не совсем понимая, что делает.

«От жары ноги распухли», – тупо подумала она, встала со стула и подошла к двери.

По-прежнему ни дуновения. Белесое от зноя небо, тротуар пышет жаром, обжигающим даже сквозь подошвы. Она оглядела улицу. Слышался звон трамваев и пронзительные гудки такси – вечный грохот и тряска нескончаемого уличного движения на бульваре Монпарнас.

Из вереницы автомобилей на бульваре отделилось одно такси и медленно и неуверенно покатило по улице. Водитель, вертевший головой то направо, то налево, резко затормозил возле отеля.

– Не хотите попытать счастья здесь, месть? – спросил он. – Место не ахти какое, но, поверьте, Париж забит, забит до

отказа. Вам повезет, если сегодня вы хоть где-то устроитесь на ночь.

По лицу водителя градом катился пот. Он замотался, ему было все безразлично. Когда уже эти англичане наконец что-то найдут!

Девушка неловко выбралась из такси и посмотрела на отель, потом на толстую, неопрятную *patronne*, которая стояла у входа, улыбаясь с притворным радушием.

– Vous désirez, Madame?⁵ – заговорила она, скашивая глаза к носу и облизывая губы.

Девушка инстинктивно отпрянула и засмеялась, стараясь утаить это невольное движение от своего спутника.

– Я не знаю... Что ты думаешь? Тут как-то совсем убого, тоскливо.

Мужчина нетерпеливо дернул плечом:

– Конечно, тут убого, в этих заведениях всегда так. Чего ты ожидала? Но мы должны где-то приткнуться.

Он не пытался скрыть своего раздражения. Сколько можно привередничать? С женщинами вечно так: им непременно нужно, чтобы все выглядело романтично, привлекательно; им хочется обряжать прозу жизни в яркие цвета. Вот и эта – весь день куксилась, отмалчивалась. Одна морока с ней! Если так и дальше пойдет, то все приключение кончится пшиком.

Он повернулся к *patronne* и спросил по-французски, ста-

---

⁵ Что угодно, мадам? (*фр.*)

рательно выговаривая слова:

– Vous avez une chambre pour ce soir?⁶

– Entrez, Monsieur... On va vous trouver quelque chose. Gaston... Gaston!⁷ – позвала она.

Появился мальчик в несвежей рубашке, на ходу вытирая руки о полотенце. Он вынес из такси два их чемодана. Женщина заглянула в темную конторку и вернулась с полной связкой ключей в руке.

– Une chambre avec salle de bain?..⁸ – начала было девушка.

– Ah! Non, c'est impossible. On n'a pas d'eau courante ici⁹, – оборвала ее женщина и повела приезжих вверх по замызганной лестнице.

– Какая разница? – с досадой шепнул девушке ее спутник. – Выбирать не приходится...

В коридоре стоял странный запах, весь воздух был им пропитан: казалось, он исходит от самой хозяйки – запах застарелых духов и еще более застарелой пудры. Запах тех, кто спит днем, не снимая одежды. Запах от невытряхнутых пельниц и перезрелых фруктов, съеденных в спальне.

Хозяйка постучала в один из номеров. Оттуда послышались короткое восклицание и тяжелая поступь босых ног. Дверь приотворилась, показалась мужская голова со встре-

---

⁶ У вас есть комната на вечер? (*фр.*)

⁷ Входите, меесье... Что-нибудь для вас подыщем. Гастон... Гастон! (*фр.*)

⁸ Комната с ванной?..⁸ (*фр.*)

⁹ Нет, это невозможно. У нас нет водопровода (*фр.*).

паннами влажными волосами.

Мужчина улыбнулся, сверкнув золотыми зубами:

– Je regrette, Madame, mais je ne suis pas présentable¹⁰.

Хозяйка засмеялась и с довольным видом приподняла бровь, пробормотав:

– Excusez-mois, je vous croyais parti¹¹.

Она осторожно прикрыла дверь и повела приезжих к номеру в конце коридора.

– C'est ce que nous pouvons trouver de mieux pour ce soir¹².

В крохотном номере было невыносимо жарко. Хозяйка отворила окно, выходящее на узкий дворик. Во дворике сидели две кошки; девушка что-то стирала под краном. В углу комнаты стояла недавно заправленная большая кровать с грудой лишнего постельного белья. Другой угол занимал умывальник – пузатый кувшин с трещиной посередине. Обои с уродливым узором, на полу красный ковер. Мужчина с беспокойством взглянул на девушку.

– Убого, но куда деваться? – сказал он с деланным смешком. – Пойдем куда-нибудь перекусим.

Они поужинали в ресторанчике на бульваре Монпарнас. Девушке есть не хотелось, она поковыряла в тарелке, потом со вздохом ее отодвинула.

– Послушай, тебе нужно подкрепиться, – заговорил муж-

---

¹⁰ Сожалею, мадам, но вид у меня непрезентабельный (*фр.*).

¹¹ Простите, я думала, вы съехали (*фр.*).

¹² Это лучшее, что у нас есть на сегодняшний вечер (*фр.*).

чина. – В поезде ты почти ни к чему не притронулась. Что с тобой? Неужели ты – ты! – чего-то боишься?

– Не говори глупостей! Конечно же нет. Я не голодна, вот и все.

Она притворилась, что наблюдает в окно за прохожими. Мужчина встревоженно взглянул на нее. Этим вечером девушка выглядела совсем иной – не такой, как в Лондоне. Возможно, потому, что наконец они остались вдвоем. Раньше почти всегда вокруг были люди, и она казалась собранной и решительной; во взгляде у нее сквозили понимание, жизненный опыт. Именно это его в ней и привлекало. Нынешним вечером она даже внешне выглядела моложе – совсем юная, почти девочка. Пить она тоже не стала. Мужчина тщательнейшим образом изучал винную карту. Приключение такого рода требует легкого подпития.

Это путешествие он мыслил совершенно иначе. Почему бы ей себя не пересилить? Неужели надо было тащиться черт-те куда – и вот эдак себя вести?! Он с досадой отметил, что девушка для него теперь не слишком притягательна. Лицо как лицо – ничего необычного. У него закралось подозрение, что не так уж сильно он ее и желает. Ну нет, это идиотское ощущение должно пройти; просто оба они немного устали. Странные существа женщины: поди разбери, что они чувствуют и тем более – почему.

Странные, но время от времени необходимые. Давно уже его так сильно ни к кому не тянуло; он не намерен был оста-

навливаться на полпуту, пока цель не достигнута.

«Вот вам обратная сторона темпераментной натуры, – подумал он. – Чувства играют тобой как хотят». Мысленно он нарисовал свой портрет: необычный, экстравагантный, с искрой гениальности, обуреваем страстями, околдован этой девушкой... Портрет интригующий.

– Garçon! Garçon! – позвал он, помахав винной картой. – Garçon!

Он начинал входить во вкус.

В отель вернулись уже затемно. Patronne, по-видимому, ушла спать: конторка была пуста. Зато невесть откуда, зевая и протирая глаза, появился мальчик все в той же рубашке. Пока они поднимались по лестнице, он озабоченно глядел им вслед.

– В этом отеле есть что-то зловещее, – прошептала девушка. – Напрасно мы здесь остановились.

Она засмеялась, надеясь выдать свои слова за шутку. Из какой-то комнаты донеслось тихое женское бормотание, мужской кашель. Потом все стихло. Где-то заскрежетали жалюзи. В их номере, хотя окно было открыто, жара казалась нестерпимой. Луч лунного света падал на треснувший кувшин и на полоску уродливых обоев.

Мужчина сел на стул и стал снимать туфли.

– Местечко так себе, – согласился он. – Но ради бога, попытаемся сохранить чувство юмора.

Жаль, надо было выпить чуточку больше: он чувствовал

себя несуразно трезвым.

Девушка не ответила. Она налила немного воды в стаканчик для чистки зубов и жадно выпила. Руки у нее дрожали. Она не понимала, зачем она здесь и что ее ждет, но думать об этом было слишком поздно. Она чувствовала себя совершенно разбитой и больной, и глубоко внутри ее притаился холодок страха. Что привело ее сюда? Любопытство, тяга к приключениям, бессмысленная бравада. На месте ее спутника мог быть кто угодно.

– А что если про нас узнают? – спросила она.

– Не говори ерунды. Никто никогда ни о чем не узнает – во всяком случае, обо мне. Наверное, и ты со своей стороны устроила все как надо?

Уж конечно она ничего не упустила и не натворила глупостей.

– Разумеется.

Девушку не оставляло ощущение, что все это происходит с кем-то другим, не с ней! Сама она сейчас дома, ставит машину в гараж.

«Что будет, если про нас все-таки узнают?» – с беспокойством думал он. Вероятно, он, как честный человек, должен на ней жениться. Впрочем, теперь уже слишком поздно, раньше следовало спохватиться. Почему она постоянно делает все наперекосяк? Ну вот, в кои-то веки села на постель – бледная, словно на смерть перепуганный ребенок. Что за невозможная ситуация!

Он подошел к умывальнику и начал чистить зубы. Трудно было сдерживаться: ему хотелось ее ударить. Чертовы куклы! Почему они никогда, никогда не могут быть в нужное время в нужном настроении? Впрочем, потакать ей он не собирался, нельзя же строить из себя дурака. Прodelать весь этот путь, притащиться в Париж! Он подумал, что должен пересилить себя и постараться скрыть свое недовольство. Он отбросил полотенце и подсел к девушке на кровать.

– Ноги не стынут? – небрежно спросил он. – Что ты обычно делаешь в такой ситуации? Как ты вела себя раньше?

Девушка отодвинулась от него и с нервной улыбкой ответила:

– В том-то и штука. Со мной это впервые.

Он опешил.

– Что ты этим хочешь сказать? – Он почувствовал, как к лицу его прихлынула краска. Он в ярости стиснул ей руку, лицо у него пылало. – Если ты собираешься морочить мне голову...

Он проснулся внезапно, как от толчка, вынырнув из глубин сна, в который провалился, как в пучину смерти.

В чем дело? Она бредит во сне, ей привиделся кошмар?

– Что такое? Что с тобой? – прошептал он.

Девушка дышала странно – часто, сбивчиво, словно задыхаясь, и в горле у нее что-то клокотало. Он нашарил спички, чиркнул и взгляделся в ее лицо. Белое, страшное, ни кровин-

ки. Волосы – хоть выжми; глаза смотрели на него в упор, не узнавая, стеклянные, потухшие. В тихой комнате слышалось только ее хриплое, прерывистое дыхание – жуткое, несмолкающее.

– Тише, – в отчаянии умолял он, – тише, кто-нибудь услышит. – Он встал с постели, налил в стаканчик немного воды. – Выпей, дорогая, выпей.

Ее зубы застучали о стакан, вода пролилась на подбородок. Она была в беспамятстве.

«Что мне делать? – беспомощно подумал он. – Что же делать-то, господи?» Он подкрался к двери и прислушался. В коридоре было по-прежнему темно, но в распахнутое окно уже пробивался луч рассвета.

Он растерянно застыл посередине комнаты. Увидел на стуле пояс для чулок, засунутый под ночную сорочку. В голове пронеслась нелепая мысль: «Розовый, почему пояс для чулок розовый?»

Он провел рукой по лбу. На пальцах остались капли пота. Он словно со стороны услышал свой собственный судорожный глоток.

Внезапно ее дыхание стихло. С кровати больше не долетало ни звука. Он стоял недвижно, не в силах шевельнуться, не в силах ни о чем подумать, напряженно прислушиваясь к тишине.

В распахнутое окно просачивался серый свет. Мебель приобрела очертания, проступил узор на обоях. В голове

вертелись глупые вопросы: кто выбирал эти обои? Сколько лет их не меняли? Мозг отказывался ему повиноваться.

«Незачем тут стоять, – подумал он. – Незачем стоять посреди комнаты».

Конечно, она умерла. Куда яснее? Умерла. Странно, но никаких чувств он не испытывал. Все вытеснил страх. Он склонился над постелью. Девушка как будто съежилась, ссохлась, рот у нее приоткрылся. Она не дышала, не слышно было ни единого звука. Да, она умерла. Он пошел к умывальнику, смочил лицо и руки. Бессмысленно гадать, в чем причина. Сердце, наверное. Она никогда не выглядела здоровой. Ей нужно было его предупредить, он не виноват. Разумеется, не виноват! Не он же ее убил? Правда, о женщинах он знал мало. И даже не предполагал...

«Понятия не имею, как надо поступать, когда кто-то умирает», – подумал он, вытирая руки о полотенце.

Его пугало отсутствие каких-либо чувств. Возможно, от шока они зажаты, подавлены; возможно, что-то неладно с рассудком. Но нельзя позволить себе впасть в истерику. Еще расхохочется в тишине этой темной, зловещей комнаты и разбудит других постояльцев отеля. И тогда они все сползутся к двери в номер – странные призрачные фигуры, выглядывающие из-за жирного плеча *patronne*. Человек с золотыми зубами поклонится с улыбкой: «*Je regrette, mais je ne suis pas présentable*». Он представил себе его серое, небритое лицо, сползающую с лица ухмылку при виде неподвижного те-

ла на постели...

Вот ужас-то! Он готов был расхохотаться – и ужаснулся тому, что готов был расхохотаться.

В голове у него завертелась глупая строчка из старой песенки, услышанной много лет назад:

Веселее, Дженни, ты скоро умрешь —
Жизнь коротка, зато весела.

Сейчас вот он распахнет дверь настежь и огласит коридор припевом: «Жизнь коротка, зато весела...»

В горле у него, нарушив безмолвие комнаты, заклокотал истерический смешок. Это привело его в чувство. Нужно поскорее одеться и уйти. Нельзя, чтобы его обнаружили рядом с ней. Полиция... И вопросы, бесконечные вопросы. Правду из него быстро вытянут, прибудет ее семейство... чудовищные допросы у следователя... сцены... и вопросы, снова вопросы. Конца этому не будет никогда, никогда. Его охватила паника, словно горло стиснула невидимая рука. Почему с ним должен был случиться этот кошмар? Почему ему выпало сыграть эту роль? Впрочем, если сейчас он тихонько уйдет, никто никогда ни о чем не узнает. Скользкими от пота пальцами он натянул на себя одежду. Установить его личность не удастся, он никак себя не назвал. Гостиничные регистрационные листки так и лежали на каминной полке, еще не заполненные. Он затолкал вещи в чемодан и захлоп-

нул крышку. Краем глаза увидел темное очертание ее тела на кровати. Притворился, что ничего не видел. Страшно, если эта сцена навсегда останется у него перед глазами. Тесный раскаленный номер, мертвая девушка на кровати и уродливые обои на стене за ее головой. Он вздрогнул и отвернулся.

Надвинув на глаза шляпу, прокрался вниз по лестнице с чемоданом в руке. Где-то один раз пробили часы. Послышался дверной скрип. Он прижался к стене и затаил дыхание.

В коридор вышла женщина и остановилась, прислушиваясь. В руках она что-то несла. Потом неслышно прошла по коридору и юркнула в другой номер.

Мужчина на лестнице выжидал; ему казалось, будто ноги у него окаменели. Снова перед его глазами мелькнуло недавнее видение: гробовая тишина в душном номере, темная фигура на кровати.

Он вышел из гостиницы и бросился бежать – прямо по улице, потом по другой, пересек бульвар и дальше, дальше по бессмысленной веренице улиц и переулков. Серые дома, все одинаковые, и унылые пустые кафе. Это был не тот Париж, который он знал, это был кошмар у него в мозгу, это был ад. И все это время топот ног отбивал такт в ритме сердца – под бессмысленную, бесконечно повторявшуюся песенку:

Веселее, Дженни, ты скоро умрешь —
Жизнь коротка, зато весела.

Дальше бежать он не мог. Пошел ровным шагом – в одной руке чемодан, через другую перекинута пальто. Париж просыпался к новому дню, белый, искрящийся, как и во все прежние дни. На улицах стали появляться прохожие. Сонные мальчишки открывали ставни магазинов и вяло протирали столики в кафе.

Кто-то, высунувшись из окна, вытрясал матрац. Женщина с упавшими на лицо волосами обметала крыльцо дома. Желтый пес потянулся и стал обнюхивать фонарный столб. По булыжникам мостовой загрели колеса.

Дальше мужчина идти не мог. Он сел за столик в уличном кафе и обхватил голову руками. Помнил только одно: он устал, и единственным его желанием было повалиться на землю и уснуть головой в канаве.

Перед ним остановился сонный официант. Мужчина услышал, что заказывает себе кофе. Мимо катили трамваи и редкие ранние такси.

«Жизнь коротка, зато весела. Жизнь коротка, зато весела». Отвяжется ли от него когда-нибудь эта песенка, сущая нелепица? Да, нужно сесть в поезд и уехать, прямо сейчас. Куда-нибудь на Средиземное море. Быть может, он сумеет написать там пьесу – хоть чуть-чуть поработает.

Он подозвал официанта и спросил счет. Нужно немедленно пойти и выяснить расписание поездов: сядет в первый же, который отправляется на юг. Вглядываясь в счет, он обшарил карманы. И тут словно лопнул обруч, который стягивал

его голову; мысли стали ясными и холодными.

Сердце его стиснуло что-то вроде липкой руки. Он сразу весь обмяк. Струйка пота поползла по лбу и скатилась по щеке.

Он вспомнил, что оставил свою записную книжку и все, что в ней было, – письма, деньги, адреса – там, в номере отеля на бульваре Монпарнас.

Прирожденный артист

Отыграв дневной спектакль, он прямо со сцены направился в свою гримерную, напевая что-то себе под нос и ни о чем особенно не думая. За ним по пятам шла девушка, на ходу поправляя выбившийся локон.

– У тебя сегодня тушь потекла, когда ты заплакал, – попеняла ему она. – Теперь у меня вся шея сбоку в грязных потеках, только погляди, какая пакость. Неужели обязательно было плакать?

– Не знаю, я как-то не задумывался, – отозвался он. – Вечером попробую по-другому. Можно вообще полностью переиграть последний акт. Вот если, скажем, приклеить бороду... С бородой подача всегда другая. – Он повернулся к зеркалу в гримерной и, прищурясь, скосился на свой профиль.

– С бородой ты мне совсем разонравишься. – Девушка погладила его по подбородку. – Сразу станешь старый, грузный... Милый, дай мне честное слово, что никогда-никогда не отпустишь бороду!

Он взял ручное зеркальце и полюбовался на себя с другого ракурса.

– А я вот не уверен, – протянул он и, не оборачиваясь, окликнул костюмера: – Монктон, а если бороду в последнем акте?... Как вам?

Костюмер вежливо кашлянул, прикрыв рот ладонью.

– Не мне судить, сэр, однако едва ли это будет уместно.
Неподходящая роль, сэр.

– Ну, может, вы и правы. И почему мне вечно всё запрещают?!.. Эй, куда это ты?

Девушка обернулась с порога:

– Наверх, переодеваться. Ты на машине?

– Да... Подбросить тебя?

– Будь ангелом, отвези меня домой, если, конечно, к тебе не выстроилась очередь посетителей на сто человек! А то я могу и на автобусе...

– Глупости! Отвезу тебя куда угодно, о чем речь! Беги одевайся. Монктон, меня ведь вроде бы никто не ждет? – Он начал снимать сюртук.

– Совсем забыл, сэр, прошу прощения, но, кажется, вас желает видеть какая-то дама. Вот ее визитная карточка, хотя она говорит, что вряд ли вы по карточке догадаетесь, кто она такая. Я ее предупредил, что после дневных представлений вы обычно спешите, и она, похоже, огорчилась. Сказала, что подождет: вдруг вы все же уделите ей несколько минут.

– Дайте карточку. – Он прочел имя, нахмурился, повертел карточку в пальцах. – Миссис Джон Пирс... Это мне ничего не говорит. Как она выглядит, Монктон?

– Даже не знаю, сэр, как вам лучше ее описать. Дама средних лет, седая, высокая... Одета чуть ли не по-деревенски. Но голос очень приятный.

– Не было печали! Плесните мне выпить и позовите ее.

Он закурил и постарался вспомнить вторую строчку привязавшейся песенки.

Почему ты со мной так жестока?

Почему ты...¹³

Он совершенно позабыл о посетительнице – пока не стукнула дверь и он не очутился лицом к лицу с незнакомой дамой. Она рассмеялась, протянула к нему руки:

– Да ты совсем не изменился!

Перед ним стояла женщина с бронзовым, обветренным лицом и густыми седыми волосами под кошмарной шляпкой. Голубые глаза и милая улыбка; улыбка ее очень красила. Одета, правда, совершенно безвкусно, да и щиколотки толстоваты. Как видно, не особенно заботится о своей внешности.

Он отпрянул, как громом пораженный, изобразив восторг и изумление. Кто она такая, он, конечно, понятия не имел.

– Дорогая, – проговорил он, – вот так сюрприз, просто глазам своим не верю! Что же ты сразу не сказала?..

Казалось, она не в силах сойти с порога – так и застыла на месте, испытующе заглядывая ему в глаза: правду ли он говорит?

---

¹³ Слова из песни «Mean to me» Ф. Алерта на слова Р. Тёрка, написанной в 1929 г. и входившей в репертуар многих исполнителей (джазовый стандарт).

– Я не думала, что ты меня узнаешь, – начала она. – Я была готова к тому, что ты не вспомнишь, кто я. Ведь когда это было – почти тридцать лет тому? Сколько воды утекло, сколько всего произошло с тех пор...

– Какая ерунда! – перебил он ее. – Я тебя сразу узнал, едва ты вошла!

Он ворошил воспоминания – не мелькнет ли в прошлом спасительный огонек. Да кто же она такая?! Миссис Джон Пирс...

Она ослабила шарф на шее и села на краешек дивана.

– Наконец-то набралась храбрости прийти к тебе, – призналась она. – Все время хотела, но что-то меня удерживало – должно быть, глупая гордыня. Как подумаю, что ты не узнаешь меня, не вспомнишь... Я была на всех твоих спектаклях, представляешь? Вот ведь сентиментальная дуручка – до сих пор вырезаю из газет все заметки про тебя, вырезаю и клеиваю в альбом!

Она поглядела на него и со смехом покачала головой. Он тихонько булькнул горлом, чтобы обойтись без слов.

– Видишь ли, я теперь живу в деревне, – продолжала она. – Выбраться в Лондон для меня целая история. Но уж если выбираюсь – раза два в год, – то всегда стараюсь попасть на твой спектакль. Не знаю, как так получается, но возраст на тебе совершенно не сказывается. Я-то теперь усталая старая фермерша, а ты все тот же мальчик, которого я знала: забавный, восторженный, вечно лохматый. Развела сантименты,

да? Можно мне сигарету?

Она потянулась к сигаретнице на столе. Он не понимал, почему гостья ни намеком не выдает, кто она такая: хоть бы одно имя упомянула, одно название! А между тем они, очевидно, были близко знакомы. Просто нелепость! Бронзовое лицо, седые волосы, миссис Джон Пирс...

– Погоди-ка, – задумчиво произнес он, глядя в пространство, – когда же мы с тобой виделись в последний раз?

Она сурово следила за выражением его лица.

– Я только что сказала – лет тридцать тому назад, может быть, немного меньше. Время – такая непонятная штука. Знаешь, стоит мне только забыться и начать вспоминать – и я будто наяву слышу, как трогается с места твое такси и ты уезжаешь, клочоча от ярости, а я лежу на постели в полной уверенности, что разбитое сердце уже не склеишь.

Ого! Неужели все зашло так далеко?! Гневные слова... слезы... И после всего этого он начисто ее забыл!

– Вероятно, я повел себя как свинья, – сердито проговорил он. – Не понимаю, как мы могли рассориться!

Она запрокинула голову и рассмеялась:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что мы расстались из-за ссоры?! Не может быть, чтобы ты так думал. У нас с тобой ни одной размолвки не было. Уж это-то ты должен помнить.

– Помню, еще бы не помнить! – Он тоже рассмеялся, гадая про себя, заметила ли она его оплошность. – Мы с тобой всегда жили душа в душу, как лучшие друзья...

Она немного помолчала, склонив голову набок и раздумывая над его словами.

– Вот тут ты ошибаешься, – возразила она. – Беда как раз в том, что нам так и не удалось наладить крепкие дружеские отношения, это-то все и сгубило. Наверное, мы были просто слишком юны, чтобы здраво судить о жизни, юны и себялюбивы. Никакого представления об истинных ценностях. Будто жадные дети – объедались до тошноты.

Он серьезно кивнул, глядя на нее поверх бокала. Значит, у них был страстный роман. Тридцать лет назад... Он мучительно рылся в памяти, но все напрасно. У него возникло неприятное ощущение, что он скверно обошелся с сидевшей перед ним седовласой дамой. Правда, не прошло и минуты, как его оправдали.

– Я ни о чем не жалею, – вдруг объявила она. – Ни на миг. Влюбиться, до смерти влюбиться – это ведь лучше всего на свете, правда? Я только об одном иногда жалела – что вот так оттолкнула тебя. Мы ведь могли быть счастливы и дальше.

Выходит, он все-таки не виноват. Судя по всему, это он ушел от нее с разбитым сердцем. Трогательная картина. Ну почему у него такая отвратительная память? Он уже готов был разрыдаться над трагедией собственной юности.

– Да я тогда чуть не пустил себе пулю в лоб! – горько произнес он. – А ты, наверно, даже и не задумалась, какой это будет для меня удар. Знаешь, что я чувствовал? Что мне незачем больше жить, не за что держаться в жизни!

– Я догадывалась, что поначалу будет тяжело, – улыбнулась она. – Но ты быстро оправился – судя по всему.

Лично он был убежден, что страдал не один месяц, пока не пришел в себя. Да, тридцать лет назад эта женщина совершенно выбила у него почву из-под ног. По всему получалось, что они безумно любили друг друга, но она бросила его, разбила ему сердце. Он уже позабыл о кошмарной шляпке, об усталом, обветренном лице. И сочинил себе другую визави – юную, стройную. Перед глазами у него мелькали картины немислимых безумств.

– Эти долгие дни вдвоем, – мечтательно протянул он. – Твое простое платьице... твои волосы... ты всегда зачесывала их назад...

Она озадаченно сдвинула брови:

– Дни? Днем-то мы с тобой почти не виделись.

– То есть ночи, – спохватился он. – Долгие-долгие ночи. Иногда луна рисовала на полу узоры. Ты закрывала глаза руками, пряталась от света...

– Правда?

– Правда-правда, сама знаешь. И мы частенько сидели голодные, без гроша в кармане. Разве что иногда удавалось наскрести на сэндвич с ветчиной – один на двоих. И ты зябла... Я давал тебе свое пальто... но ты презрительно морщила нос: «Лучше уж мерзнуть!» И тогда мне хотелось придушить тебя, я ведь так тебя любил, и...

Он осекся, ослепленный собственной фантазией и

несколько задетый удивленным выражением на ее лице.

– Ничего такого я не помню, – призналась она. – Мне казалось, в деньгах ты не нуждался. И нам незачем было делить пополам сэндвичи с ветчиной, мы почти всегда ужинали с мамой.

Он сердито уставился на нее, оскорбленный в лучших чувствах. Его версия была куда романтичнее. А она все испортила. Вот зачем было приплетать сюда каких-то родственников?!

– Я твою мать терпеть не мог, – холодно процедил он. – Мы никогда не ладили. Просто не хотел тебе говорить.

Она смотрела на него в полном недоумении:

– Почему ты не сказал?.. Ты же знаешь, это бы все изменило!

Он только махнул рукой: при чем здесь ее мамаша? Он думал о себе – юном, несчастном, по уши влюбленном... Все остальное отодвинулось на второй план.

– Поначалу я пробовал пить, – мрачно продолжал он. – А толку? Не мог прогнать из головы твое лицо – ни на миг, ни днем ни ночью. Это был полнейший, крошечный ад...

– А как же твои грандиозные планы? Честолюбие всегда подпитывает интерес к жизни. Тем более когда к тебе пришел успех...

– Честолюбие? Успех? – Он разразился горьким смехом и швырнул недокуренную сигарету в камин. – Все это ерунда в сравнении с моей любовью к тебе! Как ты не понимаешь?

Когда ты отвергла меня, я был сломлен, я погиб навсегда! Ты отняла у меня единственный шанс стать счастливым. Я был молод, я верил в идеалы, и больше всего на свете я верил в тебя! А ты бросила меня, и я уже никогда не узнаю почему. Тебе было безразлично, что со мной станется! И теперь ты преспокойно сидишь здесь и рассуждаешь: оказывается, раз я добился успеха, мне легче было выкинуть тебя из головы! Да как ты не понимаешь, что весь этот успех не принес мне ни грана счастья, что в глубине души я всегда знал: главное для меня – это ты?!

Он шумно высморкался и налил себе еще выпить. Глаза у него были красные, руки тряслись от наплыва чувств.

Она поднялась с дивана и положила ему ладонь на плечо.
– Я понятия не имела, что ты так страдаешь, – тихо говорила она. – Пожалуйста, не надо, не упрекай меня. Я думала, что поступаю так тебе же во благо. Боялась стать для тебя обузой.

Он не желал, чтобы его утешали. Покачал головой и с убитым видом произнес:

– Ты была светом моей жизни, смыслом моего существования! – Он опустил глаза и увидел обручальное кольцо у нее на пальце – и вдруг понял, что пылает от неукротимой ревности. – За кого же ты, интересно, вышла? – бесцеремонно поинтересовался он. – Этот Джон Пирс, чтоб ему пусто было... Даже не сумела сохранить верность единственному...

– Я познакомилась с ним через полтора года после того,

как рассталась с тобой, – ответила она. – Мы с Джоном женаты уже двадцать семь лет. Только подумай – четверо взрослых детей! Живем тихо-мирно в глуши, в Девоншире. Ты же помнишь, я всегда любила деревню. Так что моя мечта сбылась. Кстати, у меня с собой есть фотокарточка моего младшего. Симпатичный, правда? Он сейчас в Бирме, прекрасно устроился...

Он удостоил фотографию лишь мимолетным взглядом и отвернулся. Какое ему дело до ее детей, до ее дома в Девоншире?

– А твой муж о нас знает?

Она убрала снимок в сумочку.

– Конечно! Я ничего от него не скрываю.

– И что он... Его это не задевает?

– С какой стати? Какое ему дело до событий тридцатилетней давности? Напротив, он всегда тобой интересуется. Мы вместе читаем заметки о твоих успехах. Представляю, как он обрадуется, когда я расскажу, что повидалась с тобой!

Такой поворот его не устраивал. Надо, чтобы у нее был огромный свирепый муж, который бы ее тиранил, который никогда ее не понимал. И чтобы она была одинокой, нелюбимой и по ночам с тоской глядела из окна, высматривая в небе заветную звезду... А тут на тебе – двадцать семь лет замужем, четверо взрослых детей! Нет, это никуда не годится. К тому же она, похоже, давно смирилась и вполне довольна жизнью. И его чувства для нее ничего не значат.

– А еще говорят – верность, верность... – угрюмо процедил он. – Всякие там клятвы да обеты – сплошная ерунда, одно притворство. Помнишь, как мы держали друг друга в объятиях и шептали – «всегда», «никогда»?.. Жалкое глупое вранье, вот что это было. Сегодня ты окончательно разбила мои иллюзии, и теперь я точно знаю – в жизни нет ничего стоящего!

Она пожала плечами и рассмеялась как ни в чем не бывало, натягивая перчатки на большие загорелые руки:

– Можно подумать, ты никогда не любил других женщин!

– Других?..

Он только махнул рукой. Что тут обсуждать? Перед его глазами проплыла бессмысленная череда всех тех «других», кому он говорил точно такие же слова. Это видение его покорило – получалось как-то некрасиво. Вот бы люди жили словно птички на дереве: высоко-высоко на ветке сидит онемевший от горя, безутешный соловей, а внизу, на земле, лежит его бездыханная возлюбленная. Как это печально! Он ни с того ни с сего почувствовал себя очень несчастным. А она уже стояла, нахлобучив кошмарную шляпку и как попало намотав на шею шарф.

Он схватил ее за руку:

– Не уходи!

Она улыбнулась и невозмутимо двинулась к двери:

– Мне надо успеть на поезд с Паддингтонского вокзала. Джон и дети ждут. Я так рада, что повидалась с тобой. Сяду

в вагон и всю дорогу буду перебирать в голове наш разговор. Такое событие в моей тихой, размеренной жизни! Благослови тебя Бог – и всего тебе самого доброго. Ты даже не представляешь, какой юной я себя с тобой почувствовала.

Он посмотрел на ее седую шевелюру, на бронзовое, обветренное лицо.

– Ты словно уносишь с собой частицу меня самого, – проговорил он. – Забираешь у меня что-то, чему нет названия, что-то бесконечно дорогое. Знать бы еще, что это...

Но на сей раз она в голос расхохоталась – не поверила его словам.

– Полно, сейчас ты просто актерствуешь, – заявила она.

– Нет, – возразил он, – нет, просто тебе не дано это понять.

Она пошла в конец коридора и скрылась за дверью, и вскоре он услышал, как за окном удаляются по переулку ее шаги. И посмотрел на себя в зеркало над камином. До чего же он устал!

– Монктон! – позвал он. – Монктон!

Он снял грим и умылся; из зеркала на него смотрело бледное худое лицо. Под глазами проступили морщинки. В волосах проглядывала седина.

В дверь постучали. Это была девушка – уже одетая, с беретом в руках.

– Что это за старуха от тебя вышла – с седыми волосами и огромным бюстом? – спросила она.

— Не знаю, — ответил он. — Честно говоря, до сих пор представления не имею.

— Бедненький мой! Продержала тебя целую вечность! Представляю, как она тебя измучила!

Он не ответил. Она поспешила за ним на улицу, в машину. Когда они подъехали к ее перекрестку на Пикадилли, девушка внимательно посмотрела на него, гадая, о чем он думает.

А он рассеянно напевал себе под нос, мыслями где-то далеко-далеко:

Почему ты со мной так жестока?

Почему ты...

Он внезапно оборвал песенку.

— Скажи-ка, — вдруг спросил он, — та женщина... Тебе не показалось, что она старая, совсем-совсем старая?

Adieu Sagesse

По общему мнению, Ричард Фергюсон был скучнейший тип. От таких поневоле хочется спрятаться в первый попавшийся магазин, лишь бы не столкнуться с ним на улице. Едва завидев его, прохожие говорили друг другу: «Давай-ка завернем на минутку к Смиту, а не то столкнемся с занудой Фергюсоном». Нет, конечно, ничего страшного не произошло бы. Все наперед знали, что Фергюсон лишь приподнимет шляпу и пройдет дальше. Даже не попытается вступить в разговор. Просто он был скучный, ужасно скучный! Жители Молтби никак не могли взять в толк, как он ухитрился стать управляющим «Вестерн-банком»? И как сумел жениться?.. Впрочем, этого давным-давно никто не обсуждал. Никто уже не помнил, каким Фергюсон был в молодости. Впрочем, никто не сомневался, что он и тогда симпатии не вызывал.

А вот его супруга была милейшая женщина, милейшая! Гостей принять, поддержать компанию – всегда пожалуйста. А какое у нее бесподобное чувство юмора – сразу узнаешь уроженку Молтби. И все три ее дочки такие же – душа любого общества. И как только эти милые дамы выносили зануду Фергюсона?

Ах, как он был скучен! Правда, поговаривали, что он подкаблучник. Ну, так ему и надо. В Молтби ценили мужчин с характером, а не таких, как Фергюсон, у которого характера

ни на грош. Да и воспитания, если уж на то пошло. Бывало, пригласят его на ужин, а он сидит как истукан или встанет у окна и будто не слышит ни слова из того, о чем идет разговор. И все время улыбается, странной такой улыбкой. Улыбкой превосходства – так, наверное, можно сказать. Да, именно, – превосходства! Жителей Молтби это бесило. Что, собственно, он хотел сказать своим видом, сидя как сын в углу и непонятно чему улыбаясь?

Бедная, бедная миссис Фергюсон! Просто удивительно, как она терпит такую дубину. Видели бы вы ее на вечеринке: заливается так, что ее звонкий смех заглушает все прочие голоса. Слышали бы вы ее в церкви в воскресенье, когда она выводит вместе с хором мальчиков: «Слава тебе, Господи!» Или на ежегодной августовской регате в Молтби... Ей так к лицу серое атласное платье! Особенно когда она прохаживается по террасе яхт-клуба с зонтиком от солнца – непременно в тон платью. Вот она слегка толкнула в бок юного Шиптона: «Джек, а не пора ли тебе остепениться?» Отличная шутка для тех, кто понимает. Она наверняка намекала ему на свою старшую, Хелен, которой пришло время выходить замуж. А что? Возможно, летом Шиптон пригласит Хелен покататься на яхте. Не теряя времени даром, миссис Фергюсон завела разговор с кем-то другим, и снова с улыбкой на лице. Рано или поздно ее дочери непременно найдут себе женихов. Такие милые, такие забавные девочки! Такая чудесная женщина эта миссис Фергюсон! Вот она уже снова смеется – гром-

ко, весело, от всего сердца.

Барышни тем временем пили чай в клубной зале. Они перешептывались и понимающе кивали друг другу.

– Смотрите, миссис Маршалл явилась в том же платье, что и в прошлом году. Как вам это нравится? Прекрасила его, разумеется.

Они так и стреляли глазами в собравшихся.

– Говорю тебе, она та-ак посмотрела...

– А правда, что они...

– Ах, пожалуйста, замолчи, я не желаю этого слышать!

Они фыркали, пересмеивались, пожимали плечами – прямо как птички, которые ерошат и распушают свои перышки. Но вот мимо прошел юный Шиптон с приятелем, и между барышнями словно пробежала черная кошка. У каждой в голове промелькнули ядовитые мысли по адресу подружек. Бросив барышням пару слов, Шиптон пошел себе дальше. Молодой человек сознавал свою власть.

Сияло солнце, искрилось море, под навесом играл духовой оркестр, хотя и немного медленнее, чем нужно. Молтби был en fête¹⁴.

– Ах, какой превосходный день, как все удачно складывается, – говорили гуляющие, завидев друг друга.

И тут же, отойдя пару шагов, перешептывались со своими спутниками:

– Господи, да что такое у нее на голове – грелка на чай-

---

¹⁴ Празднично настроен (*фр.*).

ник?.. Э-э! Тут дело нечисто: смотри-ка, он от нее ни на шаг не отходит...

Славный, веселый, беззаботный Молтби!..

Один только Фергюсон был в своем репертуаре: повернувшись к обществу спиной и попыхивая сигаретой, он смотрел с балюстрады вниз, на толпу.

О чем же думал самый скучный человек в Молтби?

Прямо под ним качалась на волнах лодка, до отказа заполненная людьми. Это Сэм Коллинз, ловец крабов, выехал покататься со своим семейством. Семейство облачилось в лучшие платья. Дамы ежесекундно подпрыгивали – устраивались на скамейках, пересаживались с места на место и болтали руками в воде; на корме разместились жена Сэма, ее сестра, подруга и сестра подруги.

– А я возьми и скажи: да разве можно в эдаком виде... Вся всклокоченная, как не знаю что, физиономия размалевана... – доносилось с лодки.

Сэм сидел на веслах. Лучший костюм, в который он облачился, явно его стеснял: видно было, что ему не терпится все это снять. И шума он не переносил, и неразберихи, когда собирается столько лодок. Он с тоской поглядел на выход из бухты, где, перекатываясь через мол, шумела вода. Потом тяжело вздохнул и покачал головой:

– Как пить дать, сегодня за молом полно макрели!

Но никто его не услышал. Хотя нет, кое-кто услышал:

сверху раздался смешок. Сэм поднял голову и увидел, что у балюстрады стоит управляющий банком. Сэм смутился и испуганно улыбнулся. Они оба улыбнулись, а потом посмотрели в сторону выхода из бухты – и вздохнули. И тут Фергюсон подмигнул. Да-да – подмигнул Сэму, ловцу крабов.

«Скучнейший тип, – в эту самую секунду подумал юный Шиптон, оглядывая Фергюсона со спины, – скучнейший».

Фергюсон сидел у стола в кабинете управляющего «Вестерн-банком». Перед ним были разложены бумаги, но он на них даже не глядел. Он барабанил пальцами по колену. Нет, все бесполезно: он никак не мог сосредоточиться, заняться работой. И объяснить это недомоганием не получалось – Фергюсон знал, что совершенно здоров. Никогда в жизни не чувствовал себя так хорошо.

Здоровье в порядке. Но тем не менее что-то было не так, совсем не так. словно в дальнем уголке сознания свербила какая-то затаенная мысль, только ему не удавалось ее ухватить. Она не давала ему покоя недели или даже месяцы. Ощущение, что жизнь его, в сущности, пустая штука.

Фергюсон стал все чаще задумываться, зачем он сидит здесь день за днем, год за годом? Без забот, не зная горя. Даже война его не затронула. И вот ему уже шестьдесят, почти шестьдесят один. Он занимает одно из самых видных мест в Молтби. У него любящая, верная жена, три прекрасных дочери. А его дом, «Каштаны»? Разве оттуда не открывается

лучший в Молтби вид? И разве у него не лучший сад в городе? На самой вершине холма, откуда вся бухта как на ладони.

Еще у него есть собственный летний домик в конце сада. Он любит уединяться там, наблюдать в подзорную трубу за покидающими гавань кораблями. Ну-ка, ну-ка... так вот в чем дело... Вот что за идея маячила перед ним в тумане с тех самых пор, как в его груди поселилось это странное чувство. Как-то раз вечером, уже давно, прошлым летом, он сидел один в своем любимом убежище. Наверное, уснул, поскольку именно во сне он слышал зов. Зов или, вернее, призыв, шедший из глубины души, который проник ему в сердце и завладел умом.

Он помнил, как, вздрогнув, проснулся – весь в ожидании и тревоге. И тогда... приказ прозвучал снова! Фергюсон вскочил на ноги и огляделся. И только тогда сообразил, что это было. Просто-напросто пароходный гудок. Гудок судна, покидающего порт. Уходящего из Молтби. Вот и все. Такое происходит ежедневно. Но отчего такой пустяк проник в его сон? Почему гудок прозвучал, словно призыв восстать из мертвых?

Фергюсон припомнил, как стоял однажды в своем летнем домике, с подзорной трубой под мышкой, и все глядел вслед пароходу, удалявшемуся в открытое море. Три гудка – три протяжных гудка огласили окрестности. Сигнал прощания. Прощания с Молтби. Скоро судно превратилось в пятнышко на горизонте, а потом в еле видную полоску дыма. Прощай,

Молтби!

И тут на Фергюсона снизошло озарение. Он же мертв. Все они мертвы. Молтби – мертвый город... Хуже, чем призрачные Помпеи, занесенные пеплом. Единственным живым существом здесь был вот этот самый пароход, покидающий город. Его не сумели удержать. Он ушел раньше, чем все спохватились и попытались его остановить. Теперь уже поздно – на горизонте только полоска дыма. И не важно, куда он направляется. Гудок парохода был зовом, обращенным к нему: живые звали к себе мертвецов. Прощай, Молтби...

Ба! Оказывается, дождь пошел. Хлещет прямо в окно.

Фергюсон снова обратился к лежавшим перед ним документам. Звук привел его в чувство. Что это на него нашло – размечтался среди бела дня? Дождь поливал улицу за окном так, как поливает только в Молтби.

Фергюсон взял в руку перо и принялся писать. Над его головой торжественно тикали настенные часы.

«Касательно изложенного в Вашем письме от...»

Однако перед глазами у него по-прежнему стоял превратившийся в точку корабль у горизонта, а в ушах все дрожал звук прощальной сирены.

Выпив чаю, Фергюсон поднялся из-за стола и подошел к окну. Да, погода типичная для Молтби. После утреннего дождя воздух пропитан сыростью. Солнце пытается выдавить кривую улыбку, и на плоском небе кое-где наметились голу-

бые просветы. Фергюсон направился к двери, бормоча себе под нос что-то про спички. В холле перед кабинетом он задержался и прислушался. Нет, никто за ним не шел. Он втиснулся в свой старый твидовый пиджак, схватил с вешалки шляпу, взял с подставки любимую трость и вышел на улицу.

Внизу, окутанный дымкой тумана, лежал Молтби. Из труб поднимались струйки дыма, с пляжа под городской набережной доносились крики детей. Фергюсон попытался убедить себя, что он всего лишь хочет прогуляться, подышать свежим воздухом. Но если бы дело было только в этом, он прошелся бы по эспланаде и, возможно, добрался бы до поля для игры в гольф.

Отчего же он решительно двинулся в прямо противоположную сторону?

И пошел он в ту сторону не по ошибке или забывчивости. Фергюсон прекрасно знал, куда идет – прямым ходом к илистому участку берега у дальнего края бухты. Там было очень тихо, безлюдно. Никаких голосов, которые могли бы его потревожить. После отлива чайки копались в тине, выискивая рыбы ошметки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.